

Оксана

Заугольная

морфы 2
Дикие сны

12+

Оксана Олеговна Заугольная

Морфы 2. Дикие сны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42747024

SelfPub; 2019

Аннотация

На втором курсе для Ольги мир снов не остается прежним, ведь сноходцы начинают изучать дикие сны. Сны эти опасны, а их скопление может прорваться, и тогда они хлынут на незащищенные участки сновидений, уничтожая всё на своем пути. Так случилось однажды, когда пропал предыдущий ректор университета. Вспомнит ли потерявший память и вновь вернувшийся студентом ректор, кем является, когда университету будет грозить та же опасность? Тем временем Ольга пытается разобраться во всем, что происходит, и не погибнуть во время столкновения с дикими снами. Обложка нарисована специально для этой книги иллюстратором Анной Шевелевой.

Содержание

МОРФЫ-2. Дикае сны	4
1 глава	4
2 глава	21
3 глава	37
4 глава	57
5 глава	74
6 глава	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

МОРФЫ-2. Дикие сны

1 глава

Я шагнула в сон с особо полюбившимся мне ромашковым полем и... покатилась кубарем, споткнувшись обо что-то в траве. Хорошо хоть земля в этом сне мягкая, а в траве кроме ромашек и того неизвестного, за которого я запнулась, ничего не было. Иначе я запросто бы сломала шею. Не самое страшное для меня во снах – я умирала уже множество раз, но вот так глупо мне делать это не хотелось.

Наверное, я даже выругалась. Даже наверняка. И использовала при этом не только слова «это же кто такой умный тут разлегся», потому как ужасно знакомый голос из травы произнес:

– Вот кто так выражается! Ты же девочка, Ольга!

– Я еще и не так могу, – пригрозила я, не делая ни одной попытки встать. Во-первых, я получила полный ушиб всей себя, и вокруг меня надо бегать и извиняться, а это сложно сделать, если я поднимусь первая. Во-вторых, видеть сейчас наглуую рожу Веста я не хотела. Ромашки над головой куда приятнее.

– Вот это и беспокоит! – отозвался этот гад, тоже не делая никаких попыток подняться. – А еще ты меня пнула.

– Мало пнула, – отрезала я, не желая влезать в спор, доказывая, что это я об него споткнулась – много чести! – Что ты вот тут делаешь?

– Пытался подстеречь тебя и узнать, как экзамены.

Трава зашуршала и передо мной возникла невероятно довольная физиономия Веста. Его чуть раскосые глаза поблескивали, рот растягивался в улыбке. Нет, он совершенно точно не тянул на пострадавшего, и зря!

Лицо его пошло рябью, и я запоздало догадалась, как он меня нашел. На пятом курсе начинался курс по разделению личности. Курс был не для всех, да и Вест только закончил четвертый, но этот любимчик Кошмарыча мог запросто начать тренироваться заранее. В конце концов, я же освоила курс Кощея, который тоже не предназначался для первокурсников, чем он хуже?

Еще так в университете делали преподаватели, чтобы иметь возможность вести несколько лекций одновременно. Вест до такого уровня точно не дорос, но ему многого и не надо было – едва одна тушка наткнулась бы на меня, так все остальные тотчас бы собрались обратно. А что наткнулся, не он, а я, да еще чуть не сломала шею – это уже детали.

– Нашел о чем переживать, – буркнула я. – Я вот Андрея в своем городе видела, как тебе такая новость?

Вест выпучил глаза, улыбка моментально сползла с его лица. Еще бы. Мы ведь были уверены, что этот сновидец, во снах которого я с таким упорством умираю, никогда мне

больше не встретится, и тут я столкнулась с ним в реальности. Есть о чем задуматься. Так что мои экзамены были временно забыты Вестом. Но только им, а не мной.

Да, я переоценила свои возможности, и такое тоже бывает. Хотя я была уверена, что вот со мной подобного точно никогда не случиться. Ведь я, разумеется, в последний момент нашла возможность сдать ЕГЭ по необходимым мне для поступления предметам и даже на удивление прилично их сдала. Однако это было даже не рядом с тем, какие баллы получили те, кто реально готовился поступать на социальную работу с самого начала. К моему удивлению, был довольно нехилый конкурс, и я его не прошла.

Не хочется даже вспоминать теперь, как я редела в том же парке на скамеечке, боясь идти домой и рассказывать родителям. Они же так верили в меня, и такое разочарование, оно же их убьет! Я, наверное, и в мелком парковом, едва по пояс, пруду попыталась бы утопиться, если бы не знала, что это убьет моих родителей куда эффективнее. Так что проределась от души, съела шоколадный батончик и пошла сдаваться.

Наверное, я всё-таки маловато знаю о своих родителях. Точнее, иногда мне кажется, что я их совсем не знаю. Потому как они выслушали мой сбивчивый рассказ вперемешку со слезами и соплями, но разочарованными совершенно не выглядели.

«Если тебе станет легче, я думал, ты и на инъяз не посту-

пила бы», – только и заметил папа, доставая с полки баночку кофе.

От неожиданности у меня даже слезы сразу высохли.

«Это еще почему?!» – я, пожалуй, тут на него обиделась сильнее, чем на судьбу, приемную комиссию и Веста, который недостаточно хорошо помог мне готовиться. Что времени во снах у нас было мало, сейчас я в расчет не брала. Обида не терпит логики!

«Времени на подготовку мало, – лаконично объяснил отец, вместо меня напоминая об этом факте, и налил в турку ледяную воду. Затем задумался и бросил еще щепотку корицы. – Если бы поступила, значит, конкурс совсем маленький».

«Но...» – нос предательски шмыгнул, и я вытерла его совсем замусоленным платком.

«Почему сразу не сказал? – догадался он. – Ну, доча, представь. Ты принимаешь практически первое свое взрослое решение, и тут твой старик со своими советами. Лучше уж я помогу тебе материально».

Я снова шмыгнула носом, но уже от стыда. Да, неприятно понимать, что так бы всё и было. Начни мне папа выговаривать по поводу резкого смены курса, я бы и слушать его не стала, да еще и разругалась бы с ним наверняка.

«Не самое страшное, что могло случиться, – заметил отец, игнорируя то, что я уже вся покраснела как рак. – Ты согласна, мать?»

«Я торт купила, – невпопад ответила мама. – Вкусный. Самое то заедать такую трагедию».

И то, как она это сказала, сразу дало мне понять, что трагедией она это не считает. Да, понятно было без слов, что торт она покупала в ожидании совсем других новостей, но обсуждать мы это не собирались.

За тортом оказалось довольно просто рассуждать о моем будущем. Мама рассказала, что сама не поступила с первого раза и год работала где-то на производстве. Папа предложил пойти к нему ассистенткой в соседний отдел. Удивительно, но ни они, ни я даже не рассматривали вариант, чтобы я просто как следует пострадала дома или поскорее поступила хоть куда-то, благо оценки у меня позволяли.

Точнее, я заикнулась об этом, но тут возмутилась уже мама.

«Это чтобы ты потом в середине учебы сбежала? – уточнила она. – Нет уж, если хочешь поступать на социальную работу, к ней и готовься».

И так они меня вдохновили, что я решила отказаться от щедрого отцовского предложения, и отвечать за свое решение самостоятельно. Но куда раньше мне предстояло встретиться с теми, от кого нельзя было на время спрятаться, отключив телефон и не высовывая нос на улицу. Да, я дала себе передышку в отношении подруг и одноклассников, которые непременно удивятся моему постыдному провалу, но вот сбежать от снов и сноходцев мне было не под силу.

Конечно, я попыталась. Последние пару дней перед экзаменами я не прыгала по снам с лишенными пока практики младшекурсниками, в основном предпочитая торчать во сне с тихим спокойным лесом или цветущим лугом. В такие локации мы научились ходить еще в прошлом учебном году, а то сна с колодцами мало и на всех его не хватает, а комната отдыха всего лишь комната. Вот такие же сны, полные чистых свежих ароматов и покоя, делались морфами на диплом и в половине случаев оставались в университете под личное пользование.

Собственно, в одном таком сне мы с Вестом пытались в кратчайшие сроки вбить в мою голову всё, что требовалось при сдаче незапланированных экзаменов. И в такой же сон я отправилась, едва провалилась в сон после душевного вечера с родителями.

Разумеется, не в тот же самый, я же не сошла с ума. Потому как на самом деле в этот раз повстречать Веста мне совершенно не хотелось, хоть я и понимала, что рано или поздно рассказать всё равно придется. И скорее рано, чем поздно. Да к тому же на тот момент я еще не сообщила ему или Кошмарычу о том, что видела Андрея с его матерью. Той самой женщиной, которая сон за сном убивала меня. И почему-то тот факт, что она была в инвалидной коляске, меня совсем не трогал. В другой ситуации я бы прискакала с этой новостью сразу, но время этой встречи плотно переплеталось со временем моего фиаско при поступлении, так что я собира-

лась тянуть с этим как можно дольше.

Я понимала, что мне стоит рассказать об этом хоть кому-то. Судя по всему, его мать – довольно сильный морф, при этом может даже не учившаяся в университете, и оттого вдвойне опасная. Мы почти не обсуждали диких морфов во время учебы, но это вовсе не значило, что их не было. Но сейчас мне хотелось хоть немного подумать о том, что происходит в моей жизни, и сделать это в полном одиночестве.

Вот потом, набраться мужества и самой прийти к тому же Весту, или же прямо в Кошмарычу – он-то не стал бы спрашивать об экзаменах, ему это ни к чему...

Ну и, разумеется, когда бы мои планы волновали Веста! Надо было догадаться, что он обязательно меня подкараулит! Зато теперь одной тайной между нами стало меньше. И, каким бы это странным мне не казалось, я испытала облегчение. Вест с самой первой встречи взял надо мной своеобразие шефство, невзирая на мои протесты, и теперь я уже и не представляла Университет сноходцев без него или его научрука, который беспрестанно жалел о том, что помог мне поступить, или, по крайней мере, так говорил.

Предполагалось, кстати, что Вест тотчас уцепится за новость об Андрее и, если повезет, сгинет с глаз моих хоть на какое-то время. Seriously, человек имеет право на личное пространство хотя бы в собственных снах?! Но, похоже, Вест об этом не слышал.

Он только первое мгновение выглядел реально поражен-

ным, а затем моргнул и пожал плечами.

– Не поступила? – понимающе кивнул он. – Ну давай, реви.

Реветь после этого предложения уже не было никакого смысла. Да я и раньше уже перехотела – любую задумку этот Вест испортит или превратит в черт знает что!

– Ты такой же как Кошмарыч, тот тоже реветь заставляет, – буркнула я в ответ, понимая, что злость тоже не конструктивна, но сейчас я злилась, да еще как!

– Вот такие мы, мастера кошмаров, – самодовольно согласился Вест, словно уже был мастером. – Реветь-то будешь или я зря жду?

– Зря, – отрезала я. – А ты вообще почему тут торчишь, тебе заняться нечем?

– Чудак человек, – ухмыльнулся он. – Я же на пятый перешел. У меня теперь практика только дипломная. Я в её рамках могу тут сколько угодно находиться.

– Только не говори, что у тебя диплом по моим кошмарам, – я вздрогнула. Этого только не хватало! Причем самое неприятное было в том, что я могла оказаться права. Уж больно часто меня засасывало в какие-то кошмары, я по ним уже настоящей докой была. Только вот становиться еще и подопытным кроликом, к тому же у Веста, мне совсем не хотелось.

– Нет, что ты, – когда Вест начинает успокаивать, хочется немедленно проснуться, и интуиция меня не подвела. –

У меня диплом по положительному влиянию кошмаров на переживание человеком его проблем. Поэтому ты отлично подходишь, у тебя все проблемы на лице написаны.

– А если я не хочу? – успела спросить я, как снова очутилась около стенда с баллами и именами подступивших. Пугаться его мне не хотелось, и я завертела головой, пытаюсь найти этого горе-кошмареныша, чтобы заставить его вытащить меня отсюда. Вместо этого я увидела свою классную руководительницу.

– Как же так, Олечка, – приторно вздохнула она. Кстати да, тут Вест угадал – она у нас была именно такая. Небось на отлично сдал выщепление характеров из разума – рыболов несчастный! Мне этому еще только предстояло научиться, но я уже была в нетерпении. Самое интересное во снах даже не придумывать их или участвовать, а играть с самим человеком. Только это почему-то называлось работой. – Мы так рассчитывали, что уж ты-то точно поступишь. Будет у нас выпускница знаменитая журналистка. А ты так нас подвела.

Похоже, Вест точно угадал, чего я боялась в реальности, но вот во сне мне страшно совсем не было. Наоборот, я вдруг с облегчением поняла, что мне всё равно, что скажут учителя и одноклассники. Даже самые вредные. Родители меня уже поддерживали, а что скажут Васька и Света... Я переживу.

– Жаль, что я не знала этого раньше, Мария Сергеевна, – вежливо ответила я мороку. – А то куда больше постаралась. Мария Сергеевна моей вежливости по-видимому перене-

сти не смогла, потому как с хрустом распалась на две половинки, и из этих пустых поблекших шкурок на меня полезла какая-то многоногая тварь. Мохнатая, огромная с выпуклыми фасетчатыми глазами и угрожающе щелкающим раздвоенным хвостом.

– Совсем другое дело! – крикнула я в воздух, со всех ног удирая от многоножки и одновременно пытаюсь сообразить, куда она за мной не полезет. На дерево? Легко. На стену? Так это я вряд ли смогу, а вот многоножка...

Неплохо бы какой-то водоем, но там меня наверняка поджидала бы какая-то водная тварь – Вест любил такие штуки. Так что побегать мне предстояло как следует! И я припустила с новыми силами, отчаянно веря, что уж от многоножки-то точно убежать сумею.

Удивительным в этих кошмарах оказалось другое – утром я после этой беготни проснулась отдохнувшая и полная сил. Вот вспомнить всех гадов, что мне приснилось, не смогла бы. Не иначе как Вест разорил запасы дипломников Гиены Огненной, другого объяснения я не видела.

Зато я теперь точно знала, как буду действовать дальше, хотя к этой встрече я могла себе позволить хоть немного подготовиться.

– Может, мне стоило поступать на факультет ясновидящих и гадалок? – Васька потыкала ложечкой в кекс и отпила кофе из фирменного стаканчика «Старбакс». – Чего я буду тратить время в этом скучном универе?

– Такого факультета просто нет, – в тон ей пояснила Света тихо и спрятала покрасневшее лицо за своим стаканчиком. Будто бы ей показалось, что она сказала лишнее. Ну, в некотором роде так оно и было. Если от Василисы ждешь что-то подобное, то Света вроде как была не такой откровенной.

– Злые вы, уйду я от вас, – фыркнула я, поднимаясь со стула. На самом деле уходить ужасно не хотелось. Васька меньше чем через неделю уезжала в столицу устраиваться в общежитие, а видеться со Светкой без неё... ну разве что вот также в кафе.

– Не уходи, – вскинулась Света, по-видимому, и впрямь решившая, что переборщила со своим поддакиванием Ваське. Бедная моя подружка.

– Не могу, – я сурово сдвинула брови, но не выдержала её горестного выражения на лице и улыбнулась. Самое чудесное, что улыбка-то получилась искренней! Я сама удивилась, такого уже пару недель со мной не случалось! С тех самых злополучных экзаменов. – Девчат, у меня перерыв закончился. Если еще пару часов посидите, то можем после работы погулять.

– Давай, я еще всё равно кекс не доела, – махнула в мою сторону ложечкой Васька. – Я буду есть его медленно и печально. А потом в парк пойдем, сейчас теплынь такая.

Я помахала подругам рукой и рысцой поскакала за стойку, где на меня уже не слишком по-доброму смотрела напарница.

Ввиду своего возраста я работала неполный день, но всё-таки работала и да, именно там, где предсказывала Васька, когда узнала, что я резко сменила курс незадолго до вступительных экзаменов. После многочисленных кошмаров Веста я вдруг поняла, что на самом деле всё не так страшно. Обидно терять год, ну так я и не потеряю. Буду работать, готовиться к пересдаче ЕГЭ по интересующим меня предметам, да волонтерить во снах, попутно сдавая зачеты ко второму курсу, как это представляла Картина Георгиевна – по ходу работы. В этом году мне стоило как следует присмотреться к предметам и учителям, пора выбирать научного руководителя и специализацию. А без привязавшихся снов с Андреем я вполне могла оказаться не такой интересной мастеру Кошмаров и выбрать что-то еще.

А с Вестом мы всё-таки поговорили об Андрее и его матери. Не в том безумном винегрете из монстров, что он мне устроил, а немного позже. Через пару ночей.

– Ты вроде сначала удивился, а потом выглядел таким спокойным, будто я тебе ерунду рассказываю, – его лучше сразу припереть к стенке, иначе извернется. Я уж его как облупленного знала.

– Так я в общем-то догадывался, просто удивился, что ты вот прямо так с ними столкнулась, – разумеется, он вывернулся! Правда, дальше из него не пришлось тянуть клещами, уже неплохо. – Сама посуди, если ты в его сон залипла, или он, или его мать должны были тебя видеть. И одно из

двух – или они из твоего города, или они среди морфов в Университете. Кошмарыч, конечно, предпочел второе – он не любит легких решений, но угадал-то я! Так что удивляться тут было нечему.

– Главное, чтобы это было не два в одном, и в моем городе, и в Университете, – оптимистично предложила свой вариант я, чтобы хоть как-то отреагировать.

– Типун тебя на язык, – искренне пожелал Вест, и на этом наш разговор закончился.

Вообще я никак не могла выбросить из головы ту встречу. Да, эти кошмары мне больше не снились, но легче от этого мне не становилось. Я ведь видела этих людей живьем и побоялась подойти. Сейчас мне тот мой страх казался глупостью. Многие люди во снах ведут себя не так, как в реальности, и та женщина в инвалидной коляске – у любого могут быть ужасные сны, когда ты прикован к одному креслу и зависишь от своих близких.

Может, на деле она милая и хорошая, просто и правда боится отпустить своего сына в свободное плавание. Вдруг он встретит девушку, влюбится и оставит мать. Или сдаст её в дом престарелых или куда там могут инвалидов сдавать? Но чем больше я так думала, уговаривая себя поверить в такой ход событий, тем яснее я понимала, что безбожно вру самой себе. И от этого мне становилось действительно страшно.

Хотелось верить, что и впрямь, почувствовав за моей спиной поддержку мастера Кошмаров, эта женщина больше ни-

когда не втянет меня в свои игры, но почему-то утешало это мало. И потом, меня она может и оставит в покое, но что если она возьмется за старое, лишь выберет другую жертву?

Все эти мысли мешали мне нормально спать, точнее, ходить во снах, и, разумеется, это не мог не заметить Вест. Он вообще этим летом почти не оставлял меня – похоже и впрямь серьезно готовился к диплому. Зато и я в результате могла бы сдать теорию кошмаров не приходя в сознание – я видела их столько, что перестала бояться.

– Что-то ты совсем скисла, Оль, – заявил Вест, появляясь рядом со мной, когда я летела в жерло огнедышащего вулкана. Расставил раскладной стульчик, сел – будто так и надо! Я и сама уже поняла, что падение замедлилось, да и жара от лавы было не больше, чем от батареи. Пришлось прекратить беспорядочное падение и тоже усесться рядом. Стула в моих картах не было, а создавать что-то в собственном сне мне пока было не под силу, так что пришлось достать монструозное кресло вроде трона – его у Жюля Кир не принял, так он от расстройства отдал мне это чудо.

– Я вовсе не скисла, – пытаюсь усесться поудобнее в этом чудовищном создании разума Жюля, можно было не смотреть в глаза Веста. Очень удобно.

– Богато, – оценил кресло Вест, но тут же вернулся к начатой теме. – Серьезно, Оля. Ты всё время ходишь, будто у тебя лимонная диета. А ведь у тебя на носу второй курс – чудесное время, между прочим. Я сам тебе завидую! Если

бы можно было снова начать с начала, я бы начал сразу со второго курса, зуб даю!

– И чего в нем хорошего? – впечатлить меня своим жаром Вест не сумел, он тот еще паяц, может полыхать и восторгаться даже при виде новых туфель. Чай, не первый день знакомы. Но в этот раз я ошиблась.

– В этом учебном году вас наконец выпустят за пределы хорошо знакомых снов, и вы сможете увидеть весь сновиденческий мир, – с жаром пояснил Вест. – Сейчас тебе кажется, будто ты в буйстве событий и красок, но поверь мне, это просто унылая серость, аккуратно прибранная и много раз просмотренная нашими суровыми преподавателями на предмет сюрпризов. А вот за пределами этих уже известных троп находится бескрайний мир сновидений, среди которых масса по-настоящему диких и даже опасных.

Кажется, я вздрогнула. Если вот это всё Весту кажется унылостью, то я, может, не против и дальше иметь дело именно с ней. Что-то я не чувствую в себе сил знакомиться с этими самыми по-настоящему дикими снами. Вест, конечно же, заметил мою реакцию.

– Ну, далеко от центра вас никто не отпустит, разумеется, – уже другим, скучающим тоном произнес он. – Так, выведут за пределы изведанного и обратно втянут как на веревочке. У одного из вашей группы будет маячок, по нему вас найдут и вытащат из любой передраги, в какую ты только сможешь втянуть своих одноклассников.

– Эй, почему это я? – между прочим, обидно прозвучало!

– А кто еще? – пожал плечами Вест. – Признай, за весь первый курс только ты собирала все шишки. Вряд ли на втором что-то кардинально поменяется.

– Почему бы не Морт, например? – я внезапно вспомнила загадку прошлого года, которую совсем забыла из-за последовавших за этим происшествий. А ведь я так хотела узнать, почему Морт во сне видел Веста! Вот бы подловить его, достаточно мелочи – пусть сделает вид, что знать не знает никакого Мортимера, и уж я с него живого не слезу!

Конечно, Вест мне не доставил такого удовольствия, глупо было и надеяться!

– Мортимер – хороший и послушный мальчик, – наставительно подняв палец, произнес он. – Не нужно его впутывать.

– Хорошо, – согласилась я, болтая ногами над жерлом вулкана. Лава опасно булькала совсем близко от моих туфлей, но сейчас скорее напоминала растопленный сыр в фондюшнице. – А откуда ты его знаешь?

– Тебя же я знаю, – ушел от ответа Вест. – В сновидениях морфы пересекаются куда чаще, чем кажется на первый взгляд. Нас не так уж много, как можно подумать...

Похоже, эта тема ему наскучила. Он вдруг весь посерел и покрылся какими-то бугристыми чешуйками. Жутковатое зрелище, но и к такому привыкаешь, если общаешься со старшекурсниками.

– Поплаваем? – предложил он, хватая своей уродливой

двупалой лапой за руку.

– Эй. Я так не умею! – попыталась отказаться от сомнительного удовольствия я, но уже почувствовала, как от прикосновения лапы моя кожа тоже стекленеет, покрываясь бугристой броней. Коса гребнем пристыла к спине, спускаясь ниже, чем в реальности и, похоже, заканчиваясь хвостом. Сидеть в таком виде в жутком кресле стало совсем невыносимо, так что пришлось смириться и с головой бултыхнуться в раскаленную лаву – Вест и каменного уговорит!

2 глава

Честно говоря, я и не подозревала, что мне будет так приятно снова увидеть всех своих одноклассников. Ну, как всех – Сергей так и не появился. Может, и впрямь решил не возвращаться, а может, сменил группу. Мне никто не говорил, что так можно, но верить в это было приятно. Всё лучше, чем считать, будто кто-то может по своей воле покинуть такое чудесное место как Университет морфов! Это же кем нужно быть, интересно?

Но отсутствие Сергея было не единственным изменением. Пока все приветствовали друг друга и обменивались последними новостями, а Анна Васильевна – я её не видела с тех самых пор, как её превращали в дракона, проверяла свой фикус, не нужно ли его полить, мне на минутку показалось, что у нас новая студентка вместо кого-то знакомого. И лишь приглядевшись, я поняла, что эта новая студентка – Аня. Просто она больше не выглядела как хлипкий мальчик, а напротив, превратилась в хорошенькую девочку. Волосы без оттеночного шампуня оказались совсем светлыми, они заметно отросли и уже укладывались худо-бедно в короткую, но толстенькую косичку, а что-то драное и темное, в чем она ходила весь прошлый год сменилось симпатичным джинсовым сарафаном с пышным подбюбником – сама бы такой носила. Из старого образа остались только браслеты-фенечки

на пол руки, да тяжелые подкованные железом высокие боты. Впрочем, к сарафану они тоже отлично подходили.

– А ведь она на тебя пытается быть похожей, – шепнула мне на ухо Джейн. И словно глаза мне открыла, я едва мимо стула не села. И правда ведь! Сарафаны, косичка, да и смотрит так исподлобья, типа «смеяться будешь?». А я какой там смеяться, я же в панике просто! Что значит, девочка на меня хочет походить? Я ведь сама еще совсем девчонка, я же не справлюсь быть для кого-то примером, а-а-а! Спасите-помогите!

– Еще немного и ты взлетишь под потолок, – остановила меня Джейн. – Успокойся, не надо с первого дня превращать занятия в цирк.

Надо же, а я и забыла за лето, какая она вредная бывает. С другой стороны, она права. Это мне жутко и страшно, а как-то тогда Ане, которая выбрала меня как предмет для подражания? И пусть я не самый лучший вариант, но и не худший же? Теперь нужно просто подойти и сказать что-то умное, что позволит нам обоим перестать чувствовать себя неловко. Лучше о чем-то отвлеченном. Вроде погоды или матана. В том году я так и не узнала у Вити и Сергея, что такое матан, но разговоры о нем всегда спасали любую ситуацию.

– Привет, – произнесла я, стараясь улыбнуться поприветливее. – А где такой сарафан раздобыла? Тоже такой хочу!

Где-то за моей спиной негромко чертыхнулась Джейн, похоже, напрасно ожидавшая от меня большей интеллектуаль-

ности, но мне было уже наплевать. Я видела, как неуверенно, но искренне улыбнулась мне в ответ Аня, та самая Аня, что весь прошлый год проходила хмурой готической тучей, и у неё на щеках оказались симпатичные ямочки. С ума сойти! Вот что с человеком улыбка делает!

Так я толком и не успела больше ни с кем пообщаться, как уже урок начался. Мы это обнаружили почти случайно: Анна Васильевна наконец оставила в покое свой цветок, огляделась и первая обнаружила на кафедре сидящую Картину Георгиевну. Ректорша ничуть не беспокоилась о том, что её никто не замечала, а увлеченно ловила коготками свой хвост и болтала ногами, но, когда на возглас Анны Васильевны все обернулись, ей пришлось всё-таки начать первое в этом году занятие. Выглядела она немало удрученной этим фактом, словно год только начался, а мы ей уже надоели.

– Итак, вот вы и перешли на второй курс, – начала она, цепко оглядев всех нас. Даже мороз прошел по коже, ну надо же. Непонятно с чего! – В этом году вам предстоит углубить свои знания по уже известным предметам и познакомиться больше с пространством нашего с вами мира. Вы наконец-то поймете, что он раздвигает свои границы во всех направлениях, как привычных нам по реальному миру, так и чуть более сложным, вроде времени. Разумеется, всем вам известно, что время проходят лишь на четвертом курсе, но первое представление о этом направлении вы получите уже сейчас. Вы научитесь опасаться снов и поймете, что бояться

тут нечего. Чудесный год, – ностальгически вздохнула она и уставилась в потолок, по-видимому, вспоминая что-то приятное. По крайней мере, улыбка на её губах бродила самая мечтательная.

Мы все озадаченно переглянулись. Зная рассеянную Картину, можно было ждать, что она так и промечтает пол урока. Ну что, снова пришлось всё брать в свои руки.

– А правда, что мы будем всей группой вместе передвигаться по снам за пределами маршрутов и даже диким? – спросила я, отчаянно краснея под изумленными взглядами группы. Как же, опять выпендриваюсь с никому неизвестными знаниями!

Только Морт не выглядел удивленным. Ну да понятно, он тоже дружил с Вестом, а я так и не узнала, как они могли познакомиться. Потому что Вест может сколько угодно вешать мне лапшу на уши, но я-то прекрасно понимаю, что с ним мы почти ровесники, а вот что может связывать кошмареныша и такого правильного, но при этом мелкого мальчишку – совершенно непонятно. Ничего, я просто сделаю вид, что успокоилась, и пусть Вест только потеряет бдительность – я буду тут как тут!

Картина Георгиевна перевела задумчивый взгляд на меня.

– Всё верно, – наконец соизволила произнести она. – Как вы знаете, несмотря на самоотверженный труд морфов, которые создают множество снов индивидуальных и шаблонных как для своих современников, так и для сновидцев прошло-

го, обычных сновидцев всё же по-прежнему больше, и спят они чаще. В таких случаях бывает одно из двух – или разум сновидца напрямую подключается к дремучему сноморю и выхватывает что-то оттуда, или же напротив, сам собирает наспех сон из событий дня-недели, а потом этот собранный из того, что было сон втекает в дремучее сноморе.

– Дремучий снолес может? – неуверенно уточнил Дмитрий и торопливо добавил. – По аналогии просто дремучий обычно лес...

– Скоро вы всё увидите и поймете, что это именно сноморе, – любезно ответила ему Картина Георгиевна и снова продолжила рассказ. – Такие сны сами по себе не опасны, они просто лишены внутренней логики и слишком большое их количество может привести к одичанию прочих снов. Это было бы забавно, не будь это так утомительно для морфов. Поэтому наши старшекурсники вылавливают эти дикие сны и стараются приводить их в относительный порядок или хотя бы переводят в ограниченные временем пространства. Все вы уже знаете, что сны бесконечно расширяются как вселенная, и у них нет границ. Однако внутри этого безграничного пространства есть четко обозначенные локации – наш университет, маршруты волонтеров и вот эти загоны для диких снов. В один из таких загонов вы сходите на уроке Константина Константиновича – это скорее по его части. Мы же с вами просто высунем нос за пределы университета и только.

Наверное, мы выглядели разочарованными, потому как

Картина Георгиевна тихонько рассмеялась и погрозила нам пальцем.

– Поверьте, вам хватит и этого. Главное, что вы должны знать – дикие сны бывают и не просто так, сами по себе. Иногда они защищают разум безумцев, и попасть в такой сон в одиночку – практически верная смерть, – пояснила она. – Поэтому мы тщательно следим за тем, чтобы дикие сны бродили лишь за границами нашего упорядоченного морфомира, и в них отпускаем группы студентов только вместе. Один из вас будет маяком, кто-то другой – ищущим. Остальным придется пережить крайне необычный опыт.

Она произнесла это таким тоном и так жмурясь от удовольствия, словно не было ничего более приятного, чем нырнуть в дикий сон.

– На счет «три», – заявила она и тут же, без подготовки, выпалила:

– Три!

Мне показалось, что из аудитории мы попали прямиком в пожар. Огонь плавил кости, волосы трещали от жара, пахло паленой кожей, вокруг слышались мучительные крики. Я видела, как Дмитрий пытался сорвать с себя тлеющую одежду, негромко скулила Аня, кричала Джейн, цепко держа перед собой огнетушитель – когда она успела его приснить, интересно? Анна Васильевна с искаженным лицом смотрела на свои руки, которые то и дело пытались покрыться то шерстью, то чешуей, словно она хотела скрыться от огня в жи-

вотном облиции.

Я тоже попыталась облегчить свою боль, вспоминая как замерзала в лед, но ничего не менялось, и только поэтому я поняла, что боли на самом деле не было. Весь этот пожирающий плоть огонь был иллюзией. Холодный порыв ветра был словно ответом на мою догадку, и теперь-то мир вокруг погрузился в ледяной холод.

Я больше не видела своих одноклассников, разве что где-то в отражении одной из граней льда мелькнул краешек платья Джейн. Лед был повсюду, ледяные осколки хрустели под ногами, летели в воздухе, и он же зеркальными гранями возвышался до небес или что там было – невозможно смотреть на сверкающий от этих летящих осколков воздух. Я пыталась согреться мыслями, что это иллюзия, но лед лишь охлаждал мою кровь, а глазам было больно от отражающегося света, падающего на грани этого лабиринта. Не в силах совладать с собой, я просто побежала по коридору, который постоянно сворачивал и приводил в тупики.

В одном из тупиков я столкнулась с искаженным отражением Виктора. Слишком тонким и высоким, да еще качающимся словно в его предках были наги. Что я несу? Откуда вообще такие мысли?

– Защита разума, – одними губами произнесло отражение. – Разум безумца.

Я замерла на месте. Неужели он прав, и Картина нас отправила не просто в дикий сон, а сон безумца? Иллюзии за-

ставили меня забыть самое главное – что и где мы. Блуждание по такому сну могло и нас самих привести к безумию. И если нам не удастся выбраться...

«Когда, – шепотом приказала себе я, заставляя вспомнить, что это пусть страшный, но только урок. – Когда и удастся. Когда нам удастся выбраться».

Пол подо мной разверзся, и я полетела в пустоту. Точно помню, что изначально я была в джинсах, но юбка, задравшаяся и облепившая в полете лицо и руки, заставила меня в этом усомниться. Оглушающая тишина резала уши, хотелось кричать только лишь чтобы услышать хотя бы звук, или выцарапать глаза, только чтобы думать, будто крошечная тьма вокруг – из-за слепоты.

Никогда еще мне не было так страшно, даже в тех снах, где я умирала, так что, вновь упав в огонь, я испытала облегчение. Этот огонь скорее ласково гладил, чем приносил боль, но я терпеливо ждала продолжения ужаса, и это ожидание сводило её с ума.

– Ольга, ты горишь! – вопль обычно спокойного Вячеслава заставил меня вздрогнуть, и я даже не смогла издать ни звука, когда он принялся хлопать по моей юбке, словно и в самом деле старался затушить огонь.

Я только смотрела на его пылающие волосы и молчала, не желая спорить с помешавшимся от ужаса человеком. Оставалось надеяться, что это пройдет вместе со сном. Но лицо его было разодрано ногтями, словно оцарапано диким зве-

рем, из ран едва заметно сочилась кровь.

Внезапно он пропал, на его месте оказался Андрей. В разодранной тлеющей одежде и с безумным взглядом. От неожиданности я отшатнулась.

– Мама? – прохрипел Андрей и сам отступил на шаг.

Колючий ветер трепал наши волосы и резал глаза, так что я просто зажмурилась и отвернулась.

Когда она снова повернулась, ни Вячеслава, ни Андрея уже не было, огонь стих, а я стояла посреди дивного леса. Мимо, не замечая меня, словно я была невидимой, галдя и пихаясь промаршировали какие-то странные существа. Я заметила мелькнувшего мохнатого зверька с длинным хвостом, рыжую странную птицу, лохматую гусеницу, какую-то жабу, даже устрицу, если глаза меня не обманывали. Впрочем, когда я увидела знакомую мне по книгам о вымерших животных птицу, всё окончательно стало на свои места.

– Почему это я Алиса! – возмутилась я, оглядывая свое одеяние. Нет, сон Алисы – это классическая загадка, но это же дикий сон, разве нет? И всё вокруг такое же наваждение, каждый из них.

«Это урок, Ольга, – раздался у меня в голове мурлыкающий голос Картины. – Учебная тревога. Но бегать нужно по-настоящему. Иначе... не успеешь».

Опять бегать! Да я в школе на физкультуре столько не бегала, сколько в кошмарах этим летом! Но ворчать я могла сколько угодно, на деле же подхватила юбки и бросилась до-

гонять процессию. Это мне удалось не сразу, мы вышли из одного сада и попали в еще более удивительный, полный знакомых мне по книгам и фильмам героев. Каюсь, некоторых я помнила смутно, и лишь надеялась не встретить здесь Бармаглота.

Мне нужно найти того, у кого маячок. Но как это сделать, если мы все не похожи на себя? Да любой может оказаться кем угодно! Я подергала первого попавшегося мне зверька за хвост, но его взгляд был пустым, словно он смотрел на мир стеклянными бусинками. Тьфу-ты, пропасть! Снова наваждение!

– Нужно найти того, кто создал это, – неожиданно произнес пухлый додо и махнул своими короткими крыльями. Это был голос Джейн! Пусть птица смотрела куда угодно, только не на меня, но я точно знала, что Джейн говорит мне. – Кроме тебя все связаны в этом кругу, найди его. Это не настоящий сон безумца. У создавшего этот кусочек сна и есть маяк.

– Джейн? – неуверенно произнесла я, не понимая, как так вышло, что именно мне пришлось занять место ищущего. Вот Джейн бы подошла на эту роль куда лучше!

– Найди его, иначе мы погибнем здесь, – отозвался Додо. – Постарайся, Ольга.

Хотелось огрызнуться, что я и так стараюсь как могу, но я вовремя прикусила язык. Не знаю, как шла учеба вне класса у моих однокурсников, но в такие странные и безумные приключения они, похоже, не попадали. И им сейчас очень

страшно. Даже Джейн.

Поэтому я побежала еще быстрее, пытаюсь на ходу сообщить, кто был нашим маяком, и кем он стал в этой сказке. Он мог быть спрятан или прятаться сам. И я сунула нос в чайник на столе безумного чаепития.

– Не здесь, – раздраженно фыркнула соня голосом Ани.

– Поняла, – шепотом, хотя меня никто и не слышал, ответила я, и оглянулась. Кажется, собирались играть в крокет. Только этого мне не хватало! Я подбегала к каждому игроку, заглядывая им в глаза и уворачиваясь от фламинго, которые норовили уцепиться за ноги или юбку.

– Я всегда завидовал своим сестрам-близняшкам, – сообщил мне один из близнецов Труляля.

– Я так быстро стал не единственным, и порой мне было так одиноко, – добавил тем же голосом второй. – А сестренки всегда были вдвоем.

Я заторопилась дальше, справедливо полагая, что это не то, что мне нужно.

– Я зря им завидовал, – вслед мне крикнул Вячеслав от лица первого Труляля.

– Тебе стоит отрубить голову! – я отшатнулась от Королевы, не понимая, шутит ли Анна Васильевна, или этот сон подействовал на неё сильнее, чем на прочих. Может, эта сказка значила для неё что-то особенное? Или она просто намекает на то, что я безголовая и...

Ох! А я и впрямь безголовая! Я же Алиса или где? И я за-

вертела головой, пытаясь найти взглядом маленького белого кролика.

Потому как если Джейн права, и в диком сне мы можем погибнуть – лучше найти Мортимера поскорее. Кто еще мог отгородить нас от безумства сна этой сказкой?

Краем глаза я заметила сбоку мелькнувший белый хвостик и нырнула в кусты, ловко – сама удивилась! – хватая кролика за уши.

– Наконец-то! – проворчал кролик, свободно вися у меня в руке. Он достал часы и посмотрел на стрелки. – Время почти кончилось!

Стрелки начали стремительно увеличиваться, хмурой черной птицей поднимаясь над нами и наконец начали напоминать разлом в пространстве, некую зияющую черную дыру странной формы. Я не могла отвести от этой дыры взгляда, и даже с некоторым облегчением шагнула к ней, проваливаясь в расширяющуюся дыру до того, как она поглотила всё наваждение страны чудес вместе с моими однокурсниками.

На этот раз тьма была спасением и покоем, и я приняла её как минутный отдых, покорно закрывая глаза и проваливаясь в новый сон.

– Замечательно, Ольга, вы теперь от всех проблем будете сбегать, чтобы у меня в кабинете просыпаться, или это единичный случай? – спросил меня раздраженный голос откуда-то сверху. Я подняла голову и обнаружила низкий-низкий темный потолок. Впрочем, стоило мне посмотреть вниз

и увидеть блестящие черные ботинки рядом со мной, как я сразу же сообразила, что этот потолок – столешница письменного стола в кабинете Кошмарыча, и сам недовольный хозяин помещения стоит прямо рядом со мной.

– Я... мне... не знаю, как так вышло, – проблеяла я совершенно искренне.

Я бы даже разозлилась на него за такое предположение – будто раньше такое хоть раз было, а он сразу «всегда ли»! Если бы только не была так напугана. Каждая моя попытка перестать обращать на себя внимание мастера Кошмаров заканчивалась хуже предыдущей, и вот эта была просто дальше некуда.

– Прекратите мекать и отправляйтесь обратно в класс, вас наверняка уже потеряли, а я хочу сесть за свой стол, – прервал мои попытки объясниться Кошмарыч. Интересно, чего он злой такой? Не с той ноги встал или я ему эту самую ногу отдала, приснившись в его кабинете? Самое печальное, что просто исчезнуть из кабинета и присниться в нашей родной аудитории в положении стоя на коленках никак не получалось, пришлось выползать из-под стола, подниматься на ноги...

Кошмарыч нетерпеливо пристукивал каблуком, пока я всё это проделывала, поэтому я из вредности решила не торопиться. Отряхнула колени и ладони, затем сурово произнесла:

– Пылищи тут у вас! – и только после этого наконец при-

снила себе свою аудиторию. К счастью, в этот раз вышло без накладок, и я с первого раза попала куда нужно.

При виде меня группа радостно загомонила. Как оказалось, Кошмарыч напрасно меня стыдил – перейти после дикого сна ровно в сон нашего класса вышло только у Дмитрия, ну да он и так из нас самый организованный. Все девчонки – от Ани и до Анны Васильевны, не минуя строгую Джейн, очутились в столовой и сразу набросились на сладкое – заедать стресс. Мортимер оказался в библиотеке, Витю забросила в какую-то пока безликую аудиторию первокурсников, а Вячеслав не сразу, но признался, что и не подозревал о том, что в университете есть такая совершенно реальная вещь как туалет. Мы тут сразу зависли. Ведь и правда, есть во сне как-то очень логично, а вот если прижмет в туалет – сразу просыпаешься. На фоне этой тайны новость, что я очутилась под столом Кошмарыча прошла без должного внимания. Будь тут Вест, он бы заявил что-то вроде «так ему и надо, пусть на своей шкуре кошмары опробует» или еще что-то вроде того. Но Веста в нашей группе не было. Приходилось самостоятельно мысленно язвить – это ж надо до чего я к нему привыкла!

От веселья нас отвлекло негромкое покашливание Картины Георгиевны. Сейчас она была более человеком, если так можно сказать – коготки спрятались, хвост исчез под длинной юбкой, а ушки опустились, затерявшись в копне кудряшек.

– Это было забавно, – кивнула она своим мыслям, и кудряшки взметнулись выше. – И поучительно, как я надеюсь. Полагаю, в этом учебном диком сне вы поняли, как опасно самим влезать в такие дебри, и не будете рисковать так без опытного провожатого. Но даже в случае попадания в дикий сон, выбраться из него можно. Главное, найти то, зачем вы в этот сон попали. Ну и не притащить этот сон с собой на ботинках, фигурально выражаясь.

Мы немедленно устали на свою обувь. Интересно, как мы поймем, что притащили в университет дикий сон? Или на чужом примере?

Словно услышав этот мысленный вопрос, Картина Георгиевна добавила снисходительно:

– Вы сразу поймете, что притащили с собой сон, потому что он станет прикидываться вашей тенью первое время и скорее всего не слишком удачно. Если заметите, что тень отстает или торопится, а то и польстила с ростом или прической – смело говорите, что притащили дикий сон.

– А что с ним делать? – Джейн наконец отмерла. Или прожевала всё, что набрала в столовой. – Вы вообще нам будете подробно рассказывать, что делать с дикими снами? А то закинули в него, и мы чуть со страха не поумирали!

– Нет, – Картина Георгиевна зевнула, позволяя в который раз нам убедиться, что зубы у неё мелкие и острые – как у обычной кошки. – Подробно рассказываем мы всё, что потребуется, волонтерам. Морфы должны находить свои соб-

ственные способы ходить по снам и не попадать в неприятности... Хотя бы слишком часто.

Последнее она произнесла, в упор глядя на меня. Ой, можно подумать!

На этом её сдвоенный урок закончился, и мы приготовились к знакомству с новым преподавателем. Последним же уроком должен был быть Кир Анемподистович со своими картами, по крайней мере, так было в нашем расписании. А вот преподаватель с именем Ахиллес интриговал. В детстве я обожала греческие мифы и теперь пыталась понять, что, простите за каламбур, ахиллесового будет в этом Ахиллесе?

Может, он будет почти полностью неуязвимым и будет учить нас, как не умирать во снах? Неплохое умение, кстати, и очень пригодилось бы мне в прошлом году. Или он очень быстрый и... Не знаю, чего может научить нас бегун. Впрочем, я была согласна и на не слишком одетого древнего грека. Жаль, что обсудить это было не с кем. Не с Анной Васильевной же древних греков обсуждать!

3 глава

Надо сказать, что, когда преподаватель появился в аудитории – для разнообразия вбежав через дверь, а не возникнув прямо за кафедрой, я не была разочарована. Ахиллес выглядел ровно так, как я себе представляла. Красивый как статуя из музея, но при этом совершенно живой, с перетянутыми плетеной тесьмой кудрями, в пурпурном хитоне куда выше колена, с поблескивающим какими-то металлическими вставками поясом и богатыми застежками на плечах и там, где крепился такой же короткий округлый плащ более глубоко оттенка, чуть отдающего в синеву. На ногах у него были открытые сандалии, напомнившие снова о уязвимых пятках. Кажется, мы все выпучились на него как первый раз в музее, право слово! Куда до него мистеру Совершенству!

– Начнем со стандартных вопросов, – голос у преподавателя оказался сильным и глубоким. – Я тот самый Ахиллес, сплю в свое время, но при пробуждении забываю всю печальную информацию о своей кончине и прочих неприятностях. Зато здесь я могу жить вечно. Подобные этому парадоксы мы и будем проходить на этих уроках. А помогать нам в этом будет... кто?

Кажется, мы даже моргнули синхронно, а Анна Васильевна достала из сумочки очки и натянула на нос. Надо же!

– Я тоже в красивом кое-что понимаю, – проворчала она

в ответ на наши изумленные взгляды.

– Ну вы чего? – расстроился Ахиллес, не понимая, чем на самом деле вызвана наша оторопь. – Неужели никто не угадает?

– Гектор? – предположил Вячеслав скептически. Этот как всегда пришел в себя первым.

– Одиссей! – мне эта версия нравилась больше, хотя тоже вряд ли была правильной. Просто в детстве история про Одиссея мне больше других мифов нравилась.

Кажется, своим вялым энтузиазмом мы только окончательно расстроили нового преподавателя.

– Зенон что, больше не читают? – совсем расстроился Ахиллес и прошагал к кафедре. Низ ткани, кстати, почти не шелохнулся, а ведь он размашисто шагал!

– В кромку хитона вшиваются свинцовые шарики, чтобы драпировка сохраняла свой вид, – буркнул Ахиллес на наши задумчивые взгляды. Не знаю как кто, а мы с Аней покраснели. Хорошо Джейн, с её кожей румянец не так просто заметишь!

– Кхм, вы имеете ввиду апории про Ахилле... про вас и черепаху? – уточнил Дмитрий, протирая очки. – Но разве Зенон не придумал это, да еще и в совершенно другой... кхм... временной период.

И дураку было понятно, что Дмитрий пытается осторожно дать понять, что Зенон хотя бы был, тогда как Ахиллес – бабушка надвое сказала. Конечно, перед нами он стоял вполне

настоящий, но во снах еще и не такое бывает! Но вот Ахиллесе Это понятно не было.

– Именно так! – широко улыбнулся он. – Уфф, а я уже испугался. Но что до Зенона и того, что он был позже или раньше – это совершенно неважно, когда наконец находишь способ обогнать эту черепаху!

Он неожиданно повернулся ко мне и кивнул:

– Вы почти угадали, Ольга. Потому как мою черепаху зовут Одиссей. И хитроумнее твари я не встречал!

И он поднял с кафедры непонятно как оказавшуюся там черепашку. К этому моменту я тоже вспомнила тот анекдот про быстрого Ахиллеса, который при условии, что черепаха начала свой путь раньше, чем он, никак не мог догнать эту самую черепаху. Якобы, пока Ахиллес преодолевает половину пути, черепаха проходит еще некоторую часть, которая прибавляется к тому, что надо пробежать. Мне этот анекдот никогда не нравился, и то, что правильно он называется «апория» ему очарования вовсе не добавила. В любом случае, я ожидала увидеть мощную черепащенко, чтобы как суповая тарелка или щит. А на ладони Ахиллеса поблескивала глазками-бусинками медово-коричневая кроха едва ли с кофейное блюдечко!

Дмитрий тем временем вполголоса пересказывал одноклассникам эту самую апорию, которую, как оказалось, придумал древний философ Зенон.

– И вот её вы не можете догнать? – Аня сделала крошеч-

ный шажок к кафедре, не отрывая взгляда от черепашки. Красавец грек был забыт, её сердце определенно было занято этим черепашонком.

– Во-первых, его, – мягко заметил Ахиллес, весело блестя глазами и наблюдая за передвижениями Ани. – Не обманывайтесь его размерами, Одиссей мужчина и весьма вероломный, а сердце его полностью отдано одуванчикам и капустным листьям. Во-вторых, обогнать я его смог. Просто для этого я должен бежать не быстрее, чем обычно, а так быстро, чтобы успеть выйти с ним одновременно при условии, что он выйдет из точки раньше.

– Это как? – обалдело затряс головой Вячеслав. – Разве можно бежать так быстро, чтобы оказаться где-то раньше, чем ты там оказался?

– Снова Алиса, – заметила я вполголоса. – Нужно бежать, чтобы оставаться на месте, а чтобы попасть куда-то, нужно бежать еще быстрее.

Теперь все пялились на меня, включая Ахиллеса и Одиссея, и только Аня была всецело занята черепашонком, до которого наконец добралась, и теперь гладила его гладкий выпуклый панцирь.

– Я придумал это раньше, – наконец заметил древний грек. – Когда впервые побежал так быстро, что перестал бежать вперед, а начал бежать в будущие минуты. Правда, это было во сне... но теперь я могу научить этому студентов университета. С вами мы будем проходить время. На чет-

вертом курсе те из вас, кто дойдет до него, научиться бегать так быстро, что смогут передвигаться по времени, а не только верх-вниз, наискосок или прямо. В этом году вы всего лишь познакомитесь с этой дисциплиной, понимание позволит вам спокойнее воспринимать сны тех, кого не было, или тех, кого даже не будет.

А потом он даже дал нам практическое задание, вот уж чего от него никто не ожидал. Нужно было приснить одуванчиков для Одиссея, но не каких попало, а тех, что когда-то уже снились или запомнились каждому из нас в прошлых. Мальчишки, конечно, взбунтовались и принялись представлять капустные листья, морковь и почему-то сельдерей, а вот Анна Васильевна почему-то глубоко задумалась и приснила букетик из одуванчиков, да так и стояла с ним в руках. Мы уже с Джейн и Аней скормили Одиссею не меньше килограмма желтых цветков – интересно, как это всё помещалось в черепашке? – А она всё еще стояла и теребила цветы, не замечая, как руки покрываются едким пачкающим кожу соком.

Зато именно ей Ахиллес поставил зонтик, утверждая, что только она сумела на первом же занятии попасть в прошлое. Понятие не имею, о чем это он. Как по мне, то Анна Васильевна даже с места не сдвинулась! Но спорить я не собиралась. Мне урок всё равно понравился. И кормежкой Одиссея и сами преподавателем. Древний он грек или не очень, но веселый и с ним не соскучишься.

После довольно обычного для него урока Кира, на котором мы тренировались быстрее находить нужную карту и вызывать предмет с дополнительными свойствами вроде звука или аромата, я поспешила приснить себе нашу с Жюлем комнату. С ума сойти, я целое лето не видела своего напарника-сноточа, а ведь столько всего произошло!

К счастью, предметность мне давалась неплохо, и я смогла даже закончить пораньше. А вот у наших Ань – и маленькой, и старенькой, это упражнение получалось из рук вон плохо. Пытаясь придать предмету дополнительное свойство Аня каждую вещь заставляла светиться, тогда как у Анны Васильевны даже грибное жаркое привязчиво наигрывало «Милого Августина». К концу занятия прилипчивая мелодия уже не покидала наши головы, а в глазах яркими пятнами светились стулья, куклы, мороженое и, не иначе как разнообразия ради, лампочки. Они обе остались еще заниматься с Киром, а вот все остальные по очереди исчезли, отправляясь кто в библиотеку, кто в столовую, а кто – как я, в свою учебную комнату.

Наверное, можно было воспользоваться первым учебным днем и еще немного отдохнуть, попрыгать по обычным снам или зайти к Гиене Огненной и поглядеть на новых чудищ, что насоздавали за лето неугомонные старшекурсники. Но я поняла, что и правда ужасно соскучилась по Жюлю. Даже странно, что летом я почти не вспоминала о нем!

Жюль был уже в комнате. Я не сразу поняла это, сначала

показалось, будто я в ней одна, но не успела я как следует оглядеться и расстроиться, как он выскочил из-за какого-то шкафа и обнял так, что дышать больно стало. То-то я этот шкаф не помню!

– Сначала я за диваном прятался, но ноги затекли, долго тебя не было, – пояснил Жюль, а сам руки не опускал при этом, даже неудобно как-то. Пусть мы с ним хорошие друзья, но как-то непривычно мне вот так с кем-то обниматься.

Наверное, я как-то дернулась или повернулась, что Жюль понятливо руки убрал и улыбнулся так застенчиво, как только у него получалось.

– А ты всё хорошеешь, красавчик, – по привычке шутиливо заметила я, чтобы прервать возникшее неловкое молчание. Я, может, и сама его обнять хотела, только стеснялась. А сейчас он подумает, что я за лето нос задрала! Ни разу его найти не пыталась. Впрочем, он тоже не пытался. Не слишком удачная отговорка, ну да какая есть.

– Эй, это я собирался сказать! – возмутился Жюль. – Небось, несчастные сновидцами пачками в свои сны тащат, уроки учить некогда?

Он, конечно, пошутил, но я против воли вздрогнула. Нет уж, мне одного Андрея с головой хватило за прошлый год. Сколько я по его милости умирала!

– Нет и не надо, – излишне торопливо открестилась я от такого счастья. – Рассказывай лучше, как у тебя дела. Вы в этом году тоже дикие сны проходите?

– А то, – важно кивнул Жюль. Так вышло, что у нас с ним негласное правило – как можно меньше обсуждать реальность друг друга. Нам и в сновидениях есть что обсудить. Благодаря этому я могу не рассказывать снова в который раз о своем позорном пролете в институт. То есть, я уже и сама не считала это чем-то ужасным, но не хотелось обманывать ожидания людей, так что приходилось рассказывать с самым печальным видом – я порой так себе верила, что и в самом деле расстраивалась. Ну его. – Мы составляем карты сновидений, чтобы знать, где находятся резервации диких снов. Всё усложняет то, что ничего постоянного в мире сновидений нет, и пока рисуешь университет в углу, он перетекает в центр, а сами сновидения расползаются так далеко, как ни один морф не лазил.

– «Ни один морф сны не гонял», – перефразировала я старую поговорку и уселась на диван. – Ну чего сидим-то? Показывай свою карту.

Если честно, я ожидала что-то вроде обычной карты, каких Жюль нарисовал уже множество. Или вовсе маленькую карту вроде предметных. В этом он был мастер, и ему давно прочили будущее в университете – как-то мы говорили с ним об этом. Но то, что мой напарник вытащил из кармана и увеличил, не походило ни на первое, ни на второе.

В детстве у меня был походный пластиковый стаканчик, который состоял из колец, каждое следующее которого было больше предыдущего. А когда его дергали за самое боль-

шое, выросстал стакан. Пожалуй, это было самое подходящее сравнение из того, с чем я могла попытаться сравнить эту карту. А еще с искусственной ёлочкой, если бы вместо колючих ветвей она состояла из плоских дисков разных размеров и форм. В результате же у него в руках после всех манипуляций оказалось что-то, похожее на шар, размером со школьный глобус. Только диски уходили внутрь, где в середине пульсировало ядро. Похожие сферы, только поменьше легко пронизывали диски, то выплывая на поверхность, то вновь утопая в глубине. И это еще если не говорить о гирляндах – еще одна ассоциация с ёлкой. Эти светящиеся цепочки огоньков опутывали шар изнутри и снаружи. Жюль распахнул руки, и шар вслед за кончиками его пальцев увеличился в размерах до метра в диаметре, не меньше. Жюль снова свел ладони, и в его руках оказался шар с футбольный мяч.

– Э-это что за штуковина? – похоже, я начала заикаться. Поздравляю тебя, Ольга. Иногда стоит опуститься с небес на землю и обнаружить, что все твои приключения – ерунда по сравнению с тем, что может сделать скучный теоретик с выросшими с нужного места руками. Потому как понятия не имею, что это и как оно работает, но просто невооруженным взглядом видно, что это невероятная штука.

– Это карта, – Жюль даже порозовел от удовольствия. Еще одна заметка для себя. Иногда вместо дежурных «молодец» и «как тебе это удалось» достаточно смотреть с искренним восторгом. Только обязательно с искренним, это важно. –

Мир сновидений бесконечен, но под тяжестью материализации принимает форму шара. Как жидкость.

— Ага, — я сделала вид, что поняла. Честно говоря, физика пусть и шла у меня хорошо, но при этом никогда не была моим сильным местом. Такой вот парадокс. Так что я предпочла увести разговор в другое русло. — А что это за шарики? Особенно вот этот, большой и пульсирующий.

Теперь это «ядро» уже не было в центре, оно подбиралось к краю, будто хотело, чтобы я получше его разглядела. Впрочем, когда я уже рассчитывала, что даже смогу его потрогать, оно снова ушло под слои прозрачных дисков.

— Большой — это наш Университет, — пояснил Жюль. — А те что поменьше — это и есть локации снов. Теплыми цветами выделены те, что созданы морфами для удобства работы, видишь, через них проходят основные маршруты сновидений. А вот холодные — это как раз дикие сны. И попадать к ним близко не стоит. Так наш преподаватель говорит. Я не знаю, что с ними не так, но тебе советую туда не попадать. Мне-то не грозит, я из Университета почти никогда не выбираюсь.

— Но как можно разобраться в такой сложной карте, да еще когда все постоянно движется? — расстроилась я. Говорить о том, что у меня даже такой нет, я не стала. Потому как знаю я Жюля — стоит заикнуться об этом, как он отдаст свою, а мне и так стыдно уже. Он словно верный оруженосец снабжает меня оружием и поддержкой, а я только воюю с ветряными мельницами, возвращаюсь вся в грязи и ссадинах

и только могу выдохнуть что-то вроде «Там было здорово».

— На самом деле довольно просто, когда карта настроена именно на тебя, — пояснил Жюль и вытащил маленький пластиковый кораблик вроде тех, что входят в набор игры Монополия, только красный. — Смотри, это ты.

Он опустил кораблик на поверхность шара, и тот нырнул носом, уходя прямо к ядру. Жюль развел руками, снова увеличивая карту, потом снова и снова, пока карта не заполнила всю комнату. Удивительно, но мы вроде бы находились внутри неё и в то же самое время снаружи. Зато теперь ядро было величиной с кресло и в нем можно было увидеть красный кораблик.

Я против воли коснулась щек — ощущение было, будто они горят. И на это, между прочим, была причина! Не каждый день мне дают понять, что найти меня можно где угодно!

Тем временем Жюль снова замахал руками, уменьшая карту. Мимо нас проносились большие и мелкие шары всевозможных оттенков, пока карта не стала обычной сферой с кулак, а потом Жюль и вовсе хлопнул по ней, превращая в плоскую карту, как обычную, только круглую и чуть потолще.

— Держи, потренируйся открывать, — сунул он мне это шедевр инженерной мысли.

— З-зачем? — похоже заикание со мной теперь надолго. Но на самом деле я так растерялась, что даже руки за спину спрятала.

– Проверить, легко ли ты сможешь ею пользоваться, – терпеливо пояснил Жюль и, когда я вытаращилась на него совершенно неприличным образом, фыркнул. – Ты что, думала я для себя её делал? Ну ты даешь!

– Это ты даешь, – не согласилась я. – Постоянно даешь мне всякие классные штуки, а я... я...

Что «я», я, конечно еще не придумала. Ну и без того было ясно, что наш творческий тандем не такой уж и творческий, а местами вовсе туповат. И этим слабым звеном была именно я, как не грустно это было сознавать. Наверное, у меня невероятно красноречивая физиономия была, потому что Жюль и без всяких слов понял, что я хочу сказать.

– Ольга, – простонал он, падая на диван. – Какая же ты всё-таки Ольга! Да мне из-за тебя все второкурсники завидуют! И некоторые снотокки постарше тоже!

– Правда? – смутилась я и краешком глаза посмотрела в зеркальную дверцу шкафа. Любой девушке приятно знать, что она нравится. И это не «привет, красавица» от самого Жюля, это признание от совершенно посторонних людей! А ведь подружки говорили, что такие прически как у меня вышли из моды, и не краситься в наше время себе может позволить только девочка лет на пять нас младше...

– Разумеется! – с жаром ответил Жюль. – У нас же тоже стимул развиваться и работать зависит от сноходцев, с которыми мы связаны. Думаешь, кто-то из моих одноклассников делал латы, которые к тому же были проверены в насто-

ящем сне? А твой хвост? Гиена Огненная мне предлагает к ней пойти диплом писать, а ведь мой единорог ей совсем не понравился! И вообще, пока все выполняют стандартные задания, я уже далеко вперед ушел. Вот я Кощея и в глаза не видел, но сколько всего о его предмете узнал! А ведь ты такая, еще и время начнешь раньше других изучать, тут мы с тобой развернемся!

Глупо, наверное, но мне аж разреветься от обиды захотелось. Вот другие годами мечтают, чтобы их личные заслуги заметили, а не симпатичную мордашку, а мне всё мало. Может, потому что не было никаких моих заслуг в том, что я постоянно влипала в приключения может просто от несбывшихся ожиданий. К тому же я вовсе не хотела еще что-то изучать раньше других. Особенно время. Зная себя, я могла с уверенностью сказать, что если есть хоть какой-то шанс затеряться во времени, то я это сделаю. И буду вечно скитаться в снах каких-нибудь средневековых пустоголовых дам или кого похуже. Надеяться на светлые разумы ученых или увлекательные сны рыцарей и королей мне как-то не приходилось.

– Я что-то не так сказал? – немедленно насторожился Жюль. И зачем он такой чуткий, когда не надо, а?

– Неа, – соврала я. Потерла руками щеки и решительно протянула руку за картой. – Просто сегодня занятия были очень уж сложными. Как раз с дикими снами.

Кажется, это я зря сказала – Жюль забеспокоился еще

больше.

– Ты аккуратнее там с этими дикими, – озабочено произнес он. – Потерявшиеся в них морфы не только могут навсегда погибнуть для сновидений, проснуться ничего не помнящими и еще долго оставаться без снов. Они могут еще навсегда влипнуть в эти сны и всю жизнь видеть только безумные дикие абстракции. И не знаешь, что хуже. Некоторые, нам рассказывали на уроке, даже страдают бессонницей из-за этого.

– Ужас какой, – я и правда испугалась. У меня и без того проблем достаточно, мне только бессонницы и не хватало!

– Это еще что, – продолжал меня страшить Жюль. – Бывает еще хуже.

– Куда хуже-то? – хотелось попросить его больше не пугать меня, я же мнительная, буду теперь взвизгивать от одного упоминания о диких снах – на радость Картине Георгиевне. Она любит всё забавное.

– Есть куда, – Жюль подвинулся на диване так, что я могла сесть рядом. Похоже, будем шептаться. Странно это, ведь наша комната – только наша комната, нас и так никто не услышит! Но всё же я села и даже огляделась, словно кто-то мог нас подслушать. Я же говорю, я мнительная! – Дело в том, что попавший во власть диких снов может и вовсе не проснуться. И быть в такой вот сонной коме. Врачи голову ломают, чего он спит беспробудно, а он из снов выбраться не может!

Последние слова Жюль мне прошептал на ухо. И вот пойми, мороз по коже – от его слов или от того, как жаркий воздух от его дыхания щекочет мне мочку?

– Так бывает? – поразилась я, поворачиваясь к Жюлю и едва не сталкиваясь с ним носами.

– Бывает еще и не так! – какие же у него всё-таки ресницы длинные и пушистые, так близко я их еще не видела. – У нас есть преподавательница, ведет у старших курсов логику зависимого от реальности сна, что-то в этом духе, так она после аварии в коме. И видит сны. Вот она круглыми сутками тут в университете, представляешь?

Кажется, Жюль мне задал вопрос, а я опять всё профукала, заглядевшись на его ресницы. Ну что за дура! И ведь не объяснишь такое парню, или на смех поднимет, или вообразит, что я в него влюбилась, например! Был у меня в классе такой воображала – даже вспоминать противно.

– Ты покраснела, – шепнул Жюль мне в губы, пока я предавалась своим горестным размышлениям. И я рассердилась. Приличные люди в такой двусмысленной ситуации давно бы поцеловались, и у них голова болела бы уже о другом – зачем и как теперь быть. Но это не про нас с Жюлем, это точно! К тому же мы с ним уже целовались. По-дружески.

– Это я не знаю, как тебе сказать, что ты отсидел мне руку, – шепотом ответила я и добавила уже нормальным голосом, отсаживаясь подальше и тряся кистью. – Я пальцев вообще не чувствую!

– Так бы и сказала сразу, – в глазах Жюля мелькнуло и пропало что-то похожее на разочарование. Или это я себе придумываю. Скорее всего. Потому что пусть на минуточку всего, но мне страшно захотелось, чтобы он меня поцеловал. И пусть потом мы бы думали, зачем и что теперь делать. Зато вместе.

А теперь и он покраснел, и чтобы хоть как-то перевести разговор на другую тему, я еще раз сурово потребовала выдать наконец мне карту. Раз уж Жюль её делал специально для меня.

Как и многие другие вещи, которые один автор знает, как созданы, карта легко далась мне в руки. Папа вот тоже поражаюсь, что любая новая техника в моих руках сразу начинала нормально работать, вроде бы всё было за то, чтобы наоборот, а поди ж ты! Уже через пару минут я баловалась, увеличивая карту так, что она выходила за пределы комнаты и уменьшая до размеров грецкого ореха.

– Самое главное, когда будешь за пределами университета на ваших этих открытых экскурсиях, почаще проверяй, где находишься, – в голосе Жюля сквозило беспокойство. – И, если увидишь рядом локацию диких снов, лучше сразу удирай. Это тебе не одиночный сон, это целый сгусток безумия. Если получится – хватайся за любой ближайший маршрут повторяющихся снов – они неплохо защищены, и по ним из любого сна можно выбраться в Университет. Ну или просыпайся сразу.

– Легко сказать, просыпайся, – вздохнула я, вспоминая жуткий сон, насланный нам в качестве иллюстрации темы Картиной. Проснуться хотелось ужасно, но было совершенно невозможно. Вообще Жюлю легко было говорить, он весь этот мир видел, как вот такую карту, но я действовала интуитивно и не всегда понимала, как попадаю из одного сна в другой. Даже тот «руль», что я получила в конце прошлого года, как оказалось, водил меня только по давно протоптанным тропам или тем, где сейчас возились морфы. Ничего страшного и неизведанного, и я привыкла думать о мире снов как о простом и понятном месте. А за порогом этого известного мне места бушевало дремучее сноморе, и вот окунаться туда мне пока что не хотелось.

– Понял задачу, – шутливо откозырял мне Жюль. – Придумаю что-нибудь.

Но улыбка тотчас сползла с его лица, и он взял меня за свободную от карты руку.

– Ольга, держись подальше от этих диких снов, – попросил он. – Когда я узнал, что второкурсники уже исследуют сноморе, я был в ужасе. Вам ведь рассказывали про парадокс локаций диких снов?

– Может быть, – я наморщила лоб. – Если честно, нам сегодня только и рассказывали про разные парадоксы, я не уверена, что понимаю, о котором ты. Это как-то связано с черепахами?

– Нет, – Жюль больно стиснул мою руку, ему, похоже, бы-

ло не до шуток. – Это касается того, что, заключая дикие сны в локации, из которых они не должны выбраться, морфы усиливают их. Понимаешь? Множество диких снов в одном месте, их нелогичность перемешивается...

– Это как старушки перед кабинетом врача обсуждают симптомы и потом их у себя находят! – обрадовалась, что понимаю о чем речь, я. Жюль недоуменно поднял брови, но кивнул.

– И если каждый отдельный дикий сон опасен для неопытного морфа, то прорыв такой локации может внести хаос в уже упорядоченную дрейфующую структуру сновидений или даже в университет!

Я представила, как в нашей комнате происходит что-то вроде того безумия с огнем и льдом и содрогнулась. Да, сны пластичны и изменчивы, но не до такой же степени.

– А такое бывало уже или это вас просто пугают? – поинтересовалась я, мысленно добавляя к этому, что такие страшилки почему-то рассказывают не сноходцам, а одним снотокам.

– В том-то и дело, что пару лет назад было, – сделал страшные глаза Жюль. – У Кошмара Кошмарыча был спецкурс по сбору диких снов и формированию новой локации. И чтобы далеко в сноморе ребят не таскать, курс он проводил недалеко от университета, их шарик дрейфовал в трех-четырех локациях от его границ. И вот как-то то ли кто-то из студентов не справился с локацией, то ли что, и всё это хлынуло в

университет. Пол столовой тогда схлопнулось, а слоносьминогов и чешуйчатых сиреневых кроликов все студенты еще месяца три ловили по всему университету!

Я сидела с открытым ртом. Что-то фантазия мне отказывала, и если чешуйчатые кролики – еще туда-сюда, то слоносьминоги никак не желали представляться. Они больше осьминоги или слоны? А размерами? И это... консистенцией?

– Ты меня слушаешь или тебя опять мои ресницы отвлекли? – свирепо спросил друг. Вот о чем-чем, а о его ресницах я сейчас даже не думала. Куда им до до слоносьминогов! Так я и заявила.

– Слоносьминоги хотя бы миролюбивыми оказались, – ответил на это Жюль. – Ничего особенного, между прочим. У Гиены Огненной пара экземпляров в её музее сохранилось. Можешь посмотреть. А вот эти зайцы умели становиться невидимыми и пребольно кусались, говорят.

И тут я поняла, что не прошу себе, если не проверю. Мало ли чем пугают снотоков и по какой причине! Но если это было пару лет назад, то Ника и Вест точно должны были при этом присутствовать! Вот их и расспрошу.

– Я буду осторожна, обещаю, – наконец догадалась я, чего ждет Жюль, и спрятала в карман его карту. Тут мне пришла еще одна мысль в голову. – А Кошмарыч как тогда? Его же студенты напортачили, да и он сам получается.

– Ну как напортачили? – успокоенный моим обещанием

Жюль достал какую-то странную конструкцию и водрузил её на стол, собираясь, видимо, делать уроки. Снова какие-то звездочки и планеты – не иначе как зависимость снов от расположения небесных тел. Скукота! – Сама подумай, если бы не этот промах его студента, морфы и не узнали бы об опасности скопления диких снов в одном месте. Так что порадовались только, что остановить всё удалось.

– О как, – только и смогла произнести я, вытаскивая собственные тетради. Похоже, что-то я не понимала в том, как тут всё устроено.

Дальше до самого пробуждения мы с Жюлем работали молча, каждый над своим домашним заданием.

4 глава

Последующие несколько недель мы с Жюлем перебрасывались короткими фразами и каждый уходил в свою работу. Странно, целоваться вроде не стали, а чувство неловкости всё равно появилось. Вот ведь незадача!

Впрочем, размышлять об этом мне было некогда. Я даже просыпаться стала такая уставшая, будто не ложилась. Одно хорошо – на работе можно выпить стаканчик-другой кофе, иначе вообще не знаю, как бы я жила. На первом курсе не было так трудно! А тут все эти преподаватели словно с цепи сорвались, задавали больше прежнего.

Самое обидное, постоянно выходило так, что мы делали почти тоже самое, но только глубже и сильнее. Вроде, помните своих чудищ с прошлого курса? Ну таким даже ребенка не напугать. Вот сейчас будете такого делать, чтоб за милю от него страхом тянуло. Или хотя бы воняло. Но тоже за милю!

Вот мы и старались как могли. Новых преподавателей кроме Ахиллеса с Одиссеем сначала не было, и, по-моему, все были этому только рады. Но долго это не могло продолжаться.

– Наконец-то! – новая преподавательница ворвалась в наш кабинет как вихрь. Светлые короткие волосы были разделены на множество хвостиков яркими резинками, да и

одежда у неё была такая же яркая, но не без вкуса. Длинный нос незнакомки выделялся на её в остальном довольно незапоминающемся лице, а маленькие глазки были густо подведены тушью. – Наконец-то у вас будет действительно важный предмет, дорогуши! О, вы все полюбите меня и мой предмет!

– Это какой? – прервал её восторги Вячеслав, пока все остальные пытались переварить такие эмоциональные воздействия. А ведь вроде бы уже ко всему должны были привыкнуть, а поди ж ты.

– Самый важный, – ничуть не смутилась прохладным приемом дама. – Конечно, это вам любой преподаватель скажет, мол, его предмет самый важный. Но поверьте, права тут только я. Потому как я научу вас как делать так, чтобы сновидец забыл сон.

– А смысл тогда? – это уже я не удержалась, да и, судя по глазам Ани, она бы сейчас тоже что-нибудь сказала, и звучало бы это куда хуже.

– Смысл всегда есть, – почему-то обрадовалась странная женщина. – Как бы вы не облизывали и не улучшали свой сон, он всё равно может оказаться не совсем таким, как нужно. Слишком страшным или недостаточно, глупым и лишенным логический связок или таким заумным, что его только вы сами и понимаете. И в конце концов только единицы создают тот сон, что будет на волне сновидца. Но стоит только затереть это сновидение, хоть чуть-чуть, словно прикрыть его обнажение кое-где драпировками, как мозг сновидца сам

доведет сон до того, что ему нужно. Или не вспомнит вообще. Будет лишь помнить, что снилось ему что-то совершенно удивительное, но что именно – непонятно. А исправленный сон можно приснить ему еще раз. Теперь понимаете, как важно уметь предавать забвению ошибки?

– О да, – согласился Дмитрий за всех нас, а я подумала, насколько проще была бы моя жизнь, если бы Андрей забыл мое лицо после снов. Теперь я бы не находилась в такой двусмысленной ситуации.

Судя по одухотворенным лицам моих одноклассников, у каждого были неудачные проекты. Или же они хорошо могли вообразить их себе.

– Я же говорила, что мой предмет вам понравится! – сразу все поняла наша преподавательница. Уже позже мы узнали, что зовут её Юлия Владимировна, но все её звали не иначе как Юла. И в отличие от Кошмарыча, она не делала вид, будто не знает о своем прозвище.

Но как бы нам не нравился этот предмет, давался он куда сложнее прочих, и ведь никто не собирался нам давать поблажки!

Первая не выдержала Анна Васильевна. Мы как раз все страшно проголодались и практически осязаемо мечтали о шоколадных эклерах, стоя в очереди в библиотеке. Это всё Кошмарыч – потребовал изучить историю литературы по кошмарам. Или кошмарам в литературе... Или кошмарной литературе... В общем, неважно, я планировала взять то же,

что все возьмут, и точка!

И тут наша нестигаемая старушка неожиданно всхлипнула, да так горько, что у меня сердце замерло. Мало ли, что у неё там в реальности случилось? Муж у неё тоже старенький опять-таки. Не знаю, глупо это, наверное, но я после того сна, когда мы менялись личинами с Анной Васильевной, не могла к ней относиться как к обычной однокурснице. За неё и её супруга я просто переживала как за собственных дедушку и бабушку. Похоже, что хоть менялась с ней я, у прочих отношение складывалось похожим, потому как все заволновались и гурьбой окружили нашу Анну Васильевну.

Кажется, наше внимание её только больше смутило, и от смущения она сильнее зашмыгала носом.

– Что случилось? – за всех спросила Джейн. – Анна Васильевна, дорогая вы наша! Дома что-то не так?

О, не я одна сразу про дом подумала.

– Нет-нет, – торопливо ответила та, спешно вытирая слезы неизвестно кем протянутым платочком. – Простите, ребята, что заставляю волноваться. Я просто поняла, что стара уже для учебы. Сил совсем нет. Проснусь и едва успеваю приготовить завтрак и обед, подмести и цветы полить, как снова спать валюсь. Дед мой переживает, по вечерам гулять водит, вяжу теперь всего по дюжине рядков в день, а ведь зима не за горами, надо новый свитер ему связать...

Я чуть не плюнула с досады. Да я как зомби хожу полдня на работе, так меня теперь тоже на пенсию отправить нужно?

Но и в этой мысли я оказалась не оригинальна.

– Да вы издеваетесь, Анна Васильевна, – возмутился Вячеслав. – Я вообще сплю до обеда, ладно хоть работа и учеба позволяют. Но и там тоже кемарю. И из рук всё валится. А ведь мне еще далеко до вашего возраста.

– Я на физике сплю и после уроков, – внесла свою лепту Аня. Мы с Джейн как-то уж очень синхронно кивнули, будто тоже спим после уроков, хотя обе не учимся, а работаем. С ума сойти, я – работаю! Ой, это я отвлеклась.

В общем, Дмитрий с Витей тоже подтвердили, что учеба на втором курсе заставляет их попотеть, и только Морт промолчал, ну да все давно привыкли, что Морт чаще молчит.

– Вы хотите сказать, – Анна Васильевна еще шмыгала носом, но её совершенно не по-старчески яркие глаза уже блеснули изумлением и восторгом. – Что это не мне сложно, а просто сложно?

– Дошло, – буркнул Вячеслав. – Давайте учебники брать, пока их все не разобрали.

И отчего-то вот эта напускная грубость совсем не расстроила нашу старушку, даже наоборот. Она вся разулыбалась, отчего её до этого печально повисшие складки морщинок разбежались лучиками, делая лицо притягательным. И даже красивым.

– Вы у нас такая красивая, Анна Васильевна, – не удержалась я, прижимая к себе учебник.

– Скажешь тоже, – она заалела как помидор. Надо же, а

я не знала, что старушки могут краснеть! Мне казалось, что старость – это вот всё. Конец. Сидишь, всё болит и вяжешь иногда. И видишь еще плохо. – Вот уж тебе, Оля, точно отдохнуть надо, раз такой сухофрукт тебе красивым кажется.

И тут мне так легко стало, как давно не было. А я-то думала, я одна не умею комплименты нормально принимать, оказывается нет!

Но вообще, конечно, было уже не до смеха. Это ладно так неделю, другую, но за учебный год все, кто доживут, в сухофрукты превратятся. Сил никаких нет и конца-края этому издевательству не видно. Я даже забыла уже о своем желании найти Веста и вытрясти из него информацию, а сам он как назло мне на глаза не попадался. Не иначе как чуял что-то.

– А у снотоков есть урок, на котором они спят, – поделился на очередном занятии Дмитрий тоненьким девчачьим голосом. Мы тренировались с личиной, но не целиком, а по отдельности. Голоса, между прочим, которые во сне слышатся, тоже откуда-то должны браться! – Им даже подушки выдают.

– Не выдают, – прорычала я голосом волка из детской сказки. Какая-то страшноватая сказка у меня получилась. С недосыпа, наверное. – Они сами их с трудом, но могут прир-снить, но в основном у напарников просят.

– Надо же, – протянул Дмитрий тем же голосом. – Моя напарница не просила.

Я в этот момент всем своим видом пыталась изобразить, что мечтаю проверить, смогу ли я с таким голосом завывать

якобы на луну. Нет, ну чего такому голосу пропадать?

– Моя напарница сказала, что один мальчик штук двадцать подушек притащил, – прошамкала Аня. Ну вот она помолчала бы! А еще подруга называется! – Он кучу карт нарисовал и выбрать не смог, и его сноходец все карты овецествил. Некоторые даже были с разными вкусными ароматами.

Наверное, я покраснела, но никто не заметил. Да, Жюля иногда заносит, но так было приятно хоть что-то делать вместе! Что бы не говорила Ника о том, что со временем пути снотоков и сноходцев расходятся, мне пока было скучно без Жюля, и я просто представить не могла что-то, из-за чего мы могли бы поссориться.

– Нам бы тоже сейчас подушечку, – вздохнула Аня, отчаянно зевая. – Спать во сне ужасно странно, но так хочется!

– Наконец-то, – заявил наш преподаватель так громко, что мы вздрогнули от неожиданности. Серьезно, когда преподаватель спит на уроке только свой рот, да еще и молчит всё время, запросто можно забыть, что он тут есть! – Вот же упертая группа, дольше всех продержались!

– В каком смысле, дольше всех продержались? – заинтересовался Дмитрий, но его девчоночий голос остался неслышанным.

– Идите отдыхать, – приказал нам рот, и мы уже без всяких рассуждений поскорее покинули аудиторию. Каждый рванул в свой любимый сон для сна, а я снова оказалась в

комнате отдыха. Наверное, из-за горы подушек.

И сейчас, когда я меньше всего надеялась встретить Веста, я его, разумеется, встретила. Похоже, он даже удивился тому, сколь мало энтузиазма я высказала при виде его персоны. Не начала трясти и забрасывать вопросами, даже не скорчила недовольное лицо. Хотя вот этого и без того уже давно не было.

– Что ты кислая такая? – спросил он меня, устав кружить вокруг на довольно резвой подушке. Я бы не сказала, что я была кислой – просто пыталась свернуться клубочком на толстом рыхлом пуховом облаке – это что, преступление? Так я, собственно, ему и сказала.

– Фью, наша группа до середины октября продержалась, а вы целую неделю не дотянули, – фыркнул этот невозможный тип.

Оказывается, на втором курсе морфов специально проверяли на выносливость. И эту... группность. То есть сплоченность. Студентов загружали уроками под завязку и догружали, догружали... пока кто-то не выдерживал. Если кто-то исчезал потихоньку, и никто не замечал – что же, группа не слишком сплоченная и работает вместе не слишком хорошо. В особо сложных случаях её даже могли расформировать, раскидать по прочим группам. А когда уже бунтовать начинали все, нагрузку снова снижали до нормальной, и учебный процесс шел как обычно. Самые сильные группы получали самые интересные задания, так что нам неожиданно повезло.

– Эт' хорошо-о, – протянула я, зевая и сильнее сворачиваясь калачиком. – Я только потом порадуюсь, ладно?

– Ольга, ты на самом деле не хочешь спать, потому что и так спишь, – вкрадчиво заметил Вест, зависая у меня над ухом. Я тяжело вздохнула и села, так и не открывая глаз. Да, он был прав, но кому от этого было легче? Да никому. Я по-прежнему ужасно хотела спать, только понимала, что этот невозможный тип мне не даст.

– Вот чего ты ко мне привязался, а? – пожаловалась я, так и не открывая глаз, и тут же сама же насторожилась от собственных слов. А ведь и правда. Какой толк уже почти выпустившемуся кошмаренышу возиться со мной? Может, из-за моего редкого умения влипать в неприятности я гожусь на отличную приманку для этих самых неприятностей? Или моими руками и впрямь хотят учинить хаос в Университете? Я еще помнила о том, что Кошмар Кошмарыч был среди моих подозреваемых по поводу возможного хаоса. Но тогда я знала куда меньше и считала, что есть только один путь для этого. А кто знает, может, самому воспользоваться такой возможностью ему кажется слишком простым, а вот с помощью диких снов... Это же по сути те же кошмары, только абстрактные. Самое его дело.

Да, я прекрасно понимала, как глупо веду себя, каждую новую информацию примеряя на возможных подозреваемых, будто для кого-то имеет значение то, что именно мне теперь известно. Невелика птица. Но поделаться ничего не мо-

гу. Мало ли чем великий и ужасный мастер Кошмаров был занят раньше? А сейчас возьмет и учинит хаос и меня еще в самую гущу событий сунет.

– Тебя совать никуда не надо, ты сама везде лезешь, – произнес Вест таким тоном, что я сразу поняла – обиделся. И глаза тут же открылись как миленькие. – Не смотри так на меня, ты вслух размышляла, надо было тебя раньше остановить, но я заслушался. Я и не знал, что ты обо мне настолько невысокого мнения. Я думал, мы друзья.

Ох, как мне хотелось выругаться! Мы ведь и впрямь стали друзьями, просто всё накопившееся раздражение за эти бессонные ночи вылилось в новый виток моей глупой подозрительности, и Вест просто попал не в то место и не в то время.

– Вест, подожди, – я ухватила за краешек его подушки, да так неожиданно, что он едва кубарем не скатился с неё. Ну совсем прекрасно! Сейчас еще скажет, что я его убить хотела!

– Ничего я не скажу, а вот тебе стоит проснуться, – буркнул кошмареныш и пояснил. – Не в смысле в реальность вернуться, а просто перестать болтать всё, что думаешь. Как насчет освежающего душа?

Надеюсь, я хотя бы кивнула, потому как мне немедленно за шиворот и на голову полилась вода из небольшой подушки, на поверку оказавшейся самой настоящей тучкой, только со специальным шнурком, за который Вест и дернул, чтобы хлынул дождь. Откуда-то снизу раздались возмущенные

крики – я и забыла, что в комнате отдыха одновременно может находиться много морфов. Невелика хитрость такое забыть, когда пересекаешься ты с ними редко, да и то больше с теми, кого бы ты хотел встретить.

– Получается, я ужасно хотела тебя увидеть, раз мы тут пересеклись? – спросила я Веста, вытирая лицо от капель, которые снова стекали с волос.

– Вот когда ты вслух говоришь не гадости, я даже не против этой твоей привычки, – вместо ответа произнес Вест с укоризной. – Продолжай в том же духе! И давай попробуем улететь из этого места, дождь можно включить, а вот выключить нельзя, а ты и так уже мокрая курица.

Мысленно – и в этот раз и правда мысленно! – я пообещала себе припомнить Весту «мокрую курицу», но послушно направила свое потяжелевшее от воды транспортное средство в сторону, чем вызвала еще больше возмущенных криков тех, кто внезапно оказался под подушкой-тучей. А Вест поймал сухую подружку моей подушки, на которую я пересела прежде, чем мы направились куда-то в самый верх комнаты. Там оказалось заметно теплее.

– Тут температура воздуха зависит от высоты, – пояснил Вест. – Все обычно зависят на комфортном для себя месте, но сейчас нам стоит согреться и просохнуть.

С этим я не могла не согласиться и поспешно выжала косу, после чего расплела её, чтобы волосы могли высохнуть.

– Ух ты, – прошептал Вест, определенно забыв, что соби-

рался говорить до этого.

– Чего? – честно говоря, я немного смутилась. Вест такими вот восторженными вздохами меня не баловал. Больше дразнился. В общем-то, и сейчас не собирался продолжать.

– Не замерзни, говорю, – совершенно обычным голосом ответил он, ловя чайник и сахарницу и наливая мне в проплывающую кружку горячий чай. – Простынешь из-за своих мокрых косм, а лечиться во снах невыносимо утомительно. Как и болеть.

Ну и пожалуйста!

Пока мы оба обиженно пили чай, уткнувшись носом каждый в свою кружку, я мучительно пыталась вспомнить, что мне было нужно от Веста.

С ним вообще было непросто. То он почти всё лето таскается за мной с совершенно непонятными целями, то обижается на вопрос, что ему от меня нужно. Конечно, в реальности я знакомых так не спрашивала, чего, мол, тебе надо? Так можно прослыть весьма странной и хамовитой личностью. Но во снах человек немного другой и позволяет себе больше. Это я еще за первый учебный год запомнила.

– Нравишься ты мне, дурочка, непонятно только чем, – вдруг заявил Вест. – И нет, ты вслух больше не болтала, у тебя твои мучительные мысли все на лбу написаны!

И снова в свою кружку уткнулся, такой молодец. А я чуть с подушки не свалилась. И сразу все вопросы и опасения из головы повывлетали. Захотелось немедленно оказаться в дру-

гом месте или провалиться сквозь подушку.

– Эй, прыгать только не нужно, – Вест схватил меня за руку. – И просыпаться тоже!

Да, а как говорить, что я нравлюсь, а потом сразу за руку хватать – это нужно, значит? Я зажмурилась, ожидая неминуемого поцелуя. Но его не последовало. Осторожно приоткрыв один глаз, я обнаружила, что Вест смотрит на меня с нечитаемым выражением на лице.

Вот и пойми его! У меня не слишком богатый опыт отношений, если не сказать совсем никакой, не считать же за отношения того же Андрея, нет? И поэтому я просто не знала, что мне теперь делать. Должна ли я ответить, что он мне тоже нравится? Но я даже не уверена в этом. Если быть честной с самой собой, я об этом просто не думала. С Вестом оказалось довольно весело дружить, но он меня чаще выводил из себя, чем привлекал. С другой стороны, в кино и книгах часто такие отношения оказываются самые-самые... Осталось только понять, хочу ли я отношения как в книжках или обойдусь чем-то попроще. И понадежнее.

– Ольга, прекрати думать глупости, – строго прервал мои мучения Вест. – Я не для того тебе это сказал, чтобы ты сейчас в своей голове неизвестно что наворотела. Знаешь? Вообще забудь. Просто забудь, что я тебе сказал.

Легко сказать, забудь! Вот любят эти кошмары всякие задания невыполнимые давать! Но я собрала всю свою волю и себя заодно в кулак и сделала вид, что попыталась. Мне как

раз вовремя в голову пришел вопрос, что я давно хотела задать Весту, и это как нельзя лучше подходило случаю.

– Скажи, ты ведь учился уже в университете, когда произошел прорыв диких снов? – кажется, мне удалось застигнуть его врасплох – он даже мою лапу из рук выпустил, и я поспешила воспользоваться неожиданной свободой и отлетела чуточку подальше. Совсем немного, но мне всё же комфортнее. Я всё равно пока не решила, как к нему относиться. И к его признанию тоже.

Вест то ли сделал вид, что не заметил моего передвижения, то ли и впрямь не заметил. Похоже, мой вопрос серьезно поразил его.

– А откуда ты... а, точно, Жюль, – сообразил он. – Понимаешь, второкурсникам обычно не рассказывают об этом, чтобы не пугать раньше времени. Они же только-только учатся путешествовать на открытом пространстве снов, а попасть в дикий сон и уж тем более в их скопление не такая уж тривиальная задача, как может показаться. Но если этого заранее начать бояться, то и шагу ступить не сможешь вне троп. Вот и не рассказывают практикам до поры до времени.

– Волков бояться, в лес не ходить, – «перевела» я его объяснение. Вест энергично закивал, подтверждая мою правоту.

– Вот именно. Но прорыв действительно был, и теперь эти локации диких снов стараются держать подальше от университета. Конечно, другие сны тоже могут пострадать, но меньше, чем такая сложная конструкция из сновидений. В идеале

дикие сны можно обузывать, и по отдельности их так и чинят в некотором роде. Про это ведь ты тоже знаешь? Добавляют элемент логики, вроде того. Разумеется, выходят всё равно в основном кошмары, поэтому это наша с мастером Кошмаров работа, понимаешь?

– Нет, – честно призналась я. – Вообще ничего не понимаю.

Я немного лукавила. Кое-что я и впрямь слышала раньше и могла сложить дважды два, но никогда не отказывалась от дополнительной информации.

– Вот смотри, – не смутился Вест. – В диком сне ты будешь вместе с стоглазой сороконожкой пить чай из автобусов, а потом она откусит голову. Или ты ей. А если его аккуратно починить, то ты будешь в ужасе убегать от этой сороконожки или даже на автобусе уезжать. Обычный кошмар, и проснувшись, ты будешь думать: «Уфф, наконец-то я проснулась», а не «Э, что это было такое?».

Теперь была моя очередь согласно трясти головой. Сон такой мне и впрямь снился однажды, тут поганец Вест даже не придумывал ничего, и ощущение после него было тягостным. Да еще жучиный вкус во рту весь день ощущался.

– А почему кошмареныши не починят все эти сны? – надо будет уточнить на досуге, есть ли у выпускников Кошмарыча какое-то самоназвание, а то однажды они меня точно отлупят за такое издевательство.

– Фью, – присвистнул Вест. – Вот ты простая. Сколько та-

ких снов постоянно возникает в головах слишком уставших, безумных или просто болеющих людей, и сколько нас? Да еще такие как ты нос морщат, не хотят с кошмарами дело иметь. А приличный кошмар полезнее просто ерунды, которая может присниться!

– Только не начинай снова про свой диплом, – отмахнулась я. – И так всё лето одни кошмары смотрела благодаря тебе.

– Вот именно! – поднял он палец вверх с самым серьезным видом. – Благодаря мне! И кто бы отблагодарил?

Я приснула от смеха. И впрямь забыть о том, что он сказал и снова воспринимать его как обычного друга было хорошей идеей. Правда, совершенно невыполнимой, но ведь всегда можно сделать вид, верно? Вот этим я и занялась.

– А что насчет Кошмарыча, который вроде как частично виноват в создании такой ситуации? – этот вопрос мне не давал покоя с того самого момента, как Жюль рассказал эту историю.

Неужели ни у кого глаз нет и мозгов, чтобы просто увидеть – это вряд ли была случайность, и он мог сделать это нарочно. Поди проверь потом, случайно ли прорвало локацию диких снов прямо рядом с Университетом! Может и случайно, конечно. Или нет.

– Ну понимаешь, он же в результате и оказался одним из первых на месте, – охотно пояснил Вест. – Наравне со старым ректором и Картиной Георгиевной. Вот Картина наша

действительно отличилась. И пусть не всё, что она делала, пошло на пользу, однако без её умения выскальзывать из любого дикого сна, преподавателям пришлось бы совсем туго. Справились бы, конечно. Но университет потеряли бы. Так что раз она его спасла, ей и руководить – так все решили. К тому же предыдущий ректор сгинул в этих диких снах, и ладно бы только он, тогда нескольких студентов потеряли, очень способных. И еще каких-то преподавателей из сноток, я в них не разбираюсь совсем, не знаю кого. Одно хорошо – вроде бы все они проснулись, ректор точно бывший проснулся. Просто ничего про морфов не помнил и сны ему больше не снились. Никто из стариков не помнит такого или не рассказывает, так что неизвестно, начнут ли они потом снова сниться. Может, это теперь навсегда. А может и нет.

– Да откуда ты всё это знаешь! – не утерпела я и толкнула его в плечо. Он чуть с подушки не слетел.

– Секрет, – буркнул Вест и воровато огляделся. – Расскажу, но чтоб никому, поняла?

И по своей подушке ладонью шлепнул, мол, перебирайся ближе.

5 глава

Я замерла в нерешительности. С одной стороны, когда мы в вулкан ныряли или плотоядный слизень нас жевал – да, мы вдвоем вернулись к тому слизию, что когда-то наслала на меня мать Андрея, что такого? – мы куда ближе были, чем просто сидеть рядом на довольно вместительной подушке. Но тогда между нами не было этих ужасных слов Веста. О том, что я ему нравлюсь.

– О нет, не начинай только, – закатил глаза Вест, как всегда не вовремя отлично понимая причину моих колебаний. – Иначе я оставлю тебя мучиться без ответа.

И не дожидаясь моего согласия, он сам ловко перебрался на мою, куда более скромную подушечку. Пришлось подвинуться на самый краешек и уцепиться обеими руками за уголок. Ноги у меня болтались в воздухе, высохшие волосы лезли в рот, нос и глаза, и Весту, похоже тоже. Потому что он чихнул и пробормотал что-то ругательное про Рапунцель. И вовсе волосы у меня не такие длинные! Хотя всё равно приятно. Странно он комплименты делал – вроде бы ругается, а я всё равно чувствую, что хвалит.

Умастившись рядом со мной, Вест обхватил меня за плечи – то ли чтобы не свалиться с подушки, то ли чтобы я не свалилась, и прошептал:

– Константин Константинович лично ездил в реальности

к нашему бывшему ректору и убедился, что он проснулся. И не помнит ничего. Вообще-то следующим претендентом на место ректора мастер Кошмаров считался, но ректор совсем молодой еще был, долго не сменился бы. А тут и вовсе не вышло. Но Кошмарыч не переживает. Главное, говорит, что все живы.

«Ага, – промелькнуло у меня в голове. – Так я и поверила, что это главное. Ох, что-то ты мудришь, Вест, любимый ученик».

Как-то сразу вспомнился и жуткий Крампус, и то, что свое место сна показывать никому нельзя. Как вот Кошмарыч узнал, где бывший ректор живет? И кто точно сможет сказать, что не врет он, и тот действительно проснулся? Никто. Одно слово мастера кошмаров у нас и есть!

– Ты ему веришь? – всё-таки язык мой – враг мой. Вот зачем спрашивать у любимчика Кошмарыча, верит ли он своему научруку? Лучше прикинуться дурочкой и сделать вид, что и я верю. Но нет, я прикидываться не умею, то умная слишком, то прямо на самом деле дура душой.

– Конечно, – Вест извернулся на небольшой подушке так, что теперь мы оказались лицом друг к другу, и его глаза загадочно потемнели, привлекая взгляд. – На все сто.

Наверное, я чересчур отвлеклась на его необычно серьезный вид, и чуть было не упустила момент, когда он решил перейти от секретов к поцелуям. Точнее, он едва успел клюнуть губами меня в подбородок – я так резко вскинула голо-

ву, отшатываясь как испуганная лошадь, что полетела с подушки вниз.

И проснулась, конечно.

Пусть меня в любой момент могли поймать товарки нашей летучей подушки, привычку так просто не убьешь. А я, если падаю во сне, обязательно просыпаюсь. И, если меня пытаются поцеловать, оказывается, тоже.

Я вытаращилась в темноту, с трудом понимая, где нахожусь. Мне понадобилось время, чтобы сообразить, что и у себя в спальне я пережила падение, хоть и не столь эпичное – всего лишь с кровати. Благодаря мягкому кокону из одеяла я даже не ушиблась. За окном небо было темным и даже краешек его не розовел, сигнализируя об утре. Впрочем, будильник тоже предательски молчал, так что мне пришлось забраться обратно на кровать и закрыть глаза.

Разумеется, засыпая снова, я меньше всего хотела увидеть Веста, и, как можно догадаться, мое мнение в который раз не слишком много значило для сновидений. Я оказалась там, где когда-то начался мой путь в морфы – на краю летающего острова с невероятным замком, возвышающимся надо мной и буквально протыкающим шпилями низко висящие облака. А далеко под нами всё также находилось озеро, в котором резвились морские змеи или драконы. С высоты не разберешь. «Под нами», потому что Вест конечно же был тут же с целым кулком пончиков, от одного из которых он отламывал куски и кидал вниз к озерным тварям.

– А им можно с клубничной глазурью-то? – спросила я, свешиваясь через перила и вглядываясь в прозрачную воду. Как обычно, просто чтобы хоть что-то сказать: смотреть на Веста мне было неловко, но и молчать словно рыба тоже.

– Тина как-то туфли уронила на высоченном каблуке, – ответил мне Вест, рядом что-то зашуршало, и когда я скосила в его сторону глаза, обнаружила, что кулек с пончиками стоит рядом со мной. Есть и впрямь ужасно хотелось, так что я не удержалась. – Не знаю, зачем она их так упорно их себе снила, если учесть, что ходить на каблуках она даже во сне не умеет, и постоянно в руках их таскала, но вот уронила, и эти красавчики сожрали их и даже не подавились. А ты говоришь, пончик с глазурью...

Он снова замолчал, и я украдкой взглянула на его лицо – сердится, нет? Вообще-то странно чувствовать себя виноватой, когда никакой вины за тобой нет, но я чувствовала себя именно так. Будто обещала ему что-то и вот – не сдержала обещания. Я даже набралась духу и открыла рот, чтобы сказать... что интересно? Что ничего ему не должна? Что понятия не имею как к нему относиться, да и к его обожаемому мастеру Кошмаров тоже? Не знаю, потому как сказать Вест мне ничего не дал.

– Ничего не говори, – его лицо, только что серьезное и неприступное, вновь озарилось ехидной улыбкой. – Мне нравится с тобой общаться, когда ты не исчезаешь из-за всякой ерунды. Так что давай без вот этого всего.

Я так возмутилась, что кинула в него надкушенным пончиком. Надо же, ерунда это для него! Вот и целовался бы... да хоть с Тиной! И вообще, сам начал «это всё», а как прекращать – так я крайняя!

– Нехорошо кидаться едой! – заявил этот невозможный тип и тоже запулил в меня пончиком. В отличие от меня даже попал. Отлетающие от нас мягкие пышные кусочки жареного теста падали в озеро на радость живущим в нем тварям, а я наконец-то вздохнула спокойно. Кажется, тогда, после слов «давай всё забудем», мне не хватало чего-то такого, чтобы если не забыть, то отложить несвоевременное признание Веста в самый дальний ящик. А вот сейчас у меня это получилось. Потому что совершенно невозможно думать о всяких там признаниях от человека, который с головы до ног вымазан шоколадом, клубничной глазурью и сахарной пудрой. Точно-точно, я теперь это точно знала. Когда стану взрослой и напишу книгу об отношениях, обязательно упомяну в ней, что сложные вопросы лучше решать, кидая друг в друга пончиками. Пусть едой кидаться и плохо, но она согорится морским змеям или голубям, а вот напряжения с тем, к кому возникли сложные вопросы, уже не будет. Я почти что гений!

– А почему ты уверен, что этот прорыв не Кошмарыч сделал, чтобы создать хаос в мире сновидений? – мы сели отдышаться на краешек перил, и неловкости между нами словно и не было никогда. Самое время для щекотливых вопросов.

– Просто «знаю» тебя не устроит, да? – вздохнул Вест. – Ну смотри, Кошмарычу нет никакого смысла это делать, он один из самых могущественных сноходцев университета, а звание мастера кошмаров предполагает, что он и без того может превратить практически любой сон в кошмар. И это будет тот еще хаос. Конечно, Тритон или мадам Нострадамус будут постарше его и поопытнее, но они давно не интересуются ничем, кроме своих собственных предметов. Это как закон сохранения энергии – чем могущественнее человек, тем меньше его интересует вся эта шелуха с властью, хаосом и гнилыми понтами. И чем слабее он, тем больше кочевряжится, пытаясь показать себя круче, чем на самом деле. И вот Константин Константинович он вроде как посередине.

– Уже сильный, но гнилые понты еще любит? – грубоватое выражение мне понравилось.

Вест уставился на меня таким долгим нечитаемым взглядом, что я даже испугалась, что он окончательно обидится за обожаемого научрука и уйдет.

– Вроде того, – сухо произнес он. – То есть, он не против был бы стать ректором, но никак не за счет имеющегося. Так что расслабься, Картине Георгиевне с его стороны тоже ничего не грозит. И потом, я просто уверен, что он ждет не дождется, когда ректор снова всё вспомнит и вернется. А настоящий преступник вряд ли будет рад – ведь ректор на месте разрыва тоже оказался в числе первых. Может и заметил чего.

– Слушай, а я всё не могу понять, как эти разрывы происходят, – сообразила наконец, что царапает. – Нет, на карте всё отлично выглядит в виде шариков, которые наверняка как-то могут сплющиться или порваться, но в реальности это же просто кучка снов в одном месте. Как их можно ограничить?

– На какой это карте? – немедленно заинтересовался Вест. Я вытащила карту и увеличила до размеров футбольного мяча.

– Ух ты! – вот мне лично такого искреннего восторга еще от него не перепадало. – Жюль сделал? Талантливый парень всё-таки.

– Ага, – я со смешанным чувством наблюдала за тем, как Вест осторожно берет карту в руки и делает её шире и шире, пока не появляется крошечный кораблик на самом краю пульсирующего ядра – университета.

– А дай мне попользоваться на недельку? – неожиданно попросил Вест. – Вы всё равно после вашей нагрузки ближайшее время никуда из университета не денетесь, а мне позарез надо изучить тропу между скоплением этих локаций и случайно не заскочить в какой-нибудь бесхозный дикий сон.

Я задумалась. Нет, я не хотела, чтобы Вест попал в какой-то дикий сон, пусть он и наверняка мог превратить его в обычный кошмар, или чему он там учится у мастера кошмаров? Но подарок Жюля... Это же именно подарок.

Мои метания были прерваны неожиданным появлением

черного рыцаря. То есть, щелканье значков, заменяющих ему латы, я слышала раньше, но вот того, что он вынырнет прямо из-за перил, со стороны пустого пространства, стало для меня неожиданностью. С несвойственным мне писком я кубарем скатилась с перил, и ладно на ту сторону, где университет, а не туда, откуда появился Кошмарыч и где, по моему разумению, даже до озера со змеями лететь метров сто, не меньше.

– Всё так же легко напугать, – констатировал Кошмарыч и потерял ко мне интерес, повернувшись к Весту. – Ты вот так занят подготовкой к зачету? Или ты уговариваешь Ольгу всё-таки перестать делать вид, что ей есть из чего выбирать, и пойти в мастера кошмаров?

– Вроде того, – Вест отчаянно заморгал мне обоими глазами, после чего свернул карту и посмотрел с таким выражением на лице, что... Кажется, я кивнула. Потому как он с облегченной улыбкой спрятал карту в кармане и, перемахнув через перила, исчез.

А я вот осталась на площадке перед университетом вдвоем с мастером Кошмаров. Не очень удачная ситуация с учетом того, что я подозревала его в злом умысле. К тому же в этот год мы пока почти не пересекались. Да, он вел у нас свои лекции и даже не слишком загружал, по сравнению с другими преподавателями, но на занятиях никак не выделял меня, не заговаривал и не совал в каждый попавшийся под руку кошмар, как порою случалось раньше. Ну и тогда, когда

я очутилась у него под столом, он моментально меня выставил. Так что я от него порядком отвыкла.

И теперь он смотрел на меня долгим изучающим взглядом, а я таращилась в ответ, мысленно примеряя к нему черные глаза и волосы – вот они бы ему больше пошли, он черный рыцарь или где? Только портит всё своим заурядным внешним видом.

– Итак, Ольга, что ты мне скажешь? – вывел он меня из моего транса и заодно напомнил, что я собиралась обидеться на его слова, будто мне не из чего выбирать. Не такая уж я бездарность, мне определенно давалось создание предметов и даже существ. Другое дело, хотела ли я провести всё время за обставлением интерьера самых глупых снов... Похоже, мои мысли и впрямь ни для кого были секретом – краешек губы Кошмарыча криво и неуверенно потянулся вверх.

– А как может произойти прорыв диких снов из локации? – вместо ответа спросила я. – То есть, чем их вообще ограничивают-то?

Сказала и испугалась ужасно. Нашла время такие вопросы задавать. И ладно в кабинете мастера, где всё как-то намекает на приличия. А вот тут рядом с перилами на непонятной высоте – выкинет еще в открытое пространство, а я еще такими фокусами как он или Вест и не владею даже. Да еще и сам Кошмарыч словно стал выше, шире, а потом за его спиной ударила молния! Самая настоящая, я так и села, благо на ноги еще подняться после своего позорного падения

толком не успела.

– Драматизировать прекрати, – закатил глаза мастер кошмаров, через плечо оглянувшись, куда ударила молния. – Убьешь кого-нибудь ненароком.

– Это не я, а вы, – возмутилась я.

– «Это не я, а вы», – передразнил меня Кошмарыч ехидным голосом, становясь ужасно похожим на Веста. – Где ты видела, чтобы я молниями разбрасывался или огнем горел?

Пришлось прикусить язык – да, это именно я тогда заявила к нему в кабинет, вся пылая праведным гневом и вполне настоящим огнем.

– А вот теперь давай нормально поговорим, – миролюбиво продолжил преподаватель и, с трудом подогнув жесткий от значков плащ, сел на землю рядом со мной. Только значки клацнули от соприкосновения с каменной площадкой. – Ты ведь говоришь о том прорыве, что случился у нас два года назад, так?

Я только и смогла кивнуть. Сейчас, когда Кошмарыч вот так запросто сидел рядом со мной и тоже пялился на облака, мне неожиданно стало стыдно за все мои подозрения. Но мастер понятия не имел о моих терзаниях, он начал рассказывать.

– Идея собирать и ограничивать самые агрессивные дикие сны принадлежала моему хорошему другу. Он, кстати, был тогда ректором университета. Выглядела на тот момент эта идея просто блестяще. Мы могли защитить новичков от

случайного попадания в такой сон, а иметь под рукой всегда достаточно материала для переработки в нормальное сновидение – что может быть лучше? В вашей группе есть такая милая старушка, которая постоянно вяжет. Вот иногда она собирает вместе разноцветные обрывки ниток разной длины, связывает их узелками и вяжет. И на выходе получается пестрая, но вполне достойная вещь. Замечала?

Я снова только кивнула, пораженная тем, что сам мастер кошмаров обращает внимание на такие вещи. Что дальше? Он поливает наш фикус в наше отсутствие?

– Вот так и приличный сон, даже не обязательно кошмар, можно сделать из этих пестрых безумных дикарей, – продолжал Кошмарыч, дождавшись моего кивка. – Просто это требует особых умений и ловкости рук и мозга. Всё это у нас было, и мы были полны надежд. Как же, университет существует сотни лет, меняется лишь его облик и способ обучения морфов, но до сих пор он был одиноким бастионом посреди бескрайнего сноморя, а тут мы обезопасим постепенно пусть не все сны, но заметный кусок. Есть чем гордиться. И к тому же никто не делал такого раньше. Или же об этом не сохранилось упоминаний – в последнее время я склоняюсь к этому неутешительному выводу. Что же до ограничения этих снов, то всё довольно просто, Ольга. По границе локации мы располагаем особые сны-защитники. Скажем, снится человеку, что он защищает границу от врага. Или что он стоит рядом с возможным прорывом, из которого полезут жуткие

твари. Тут нам фантастика всех мастей в помощь. Кто-то и вовсе против ктулху выступает. Тебе никогда такое не снилось?

– Никогда, – я замотала головой. Гадость какая!

Кошмарыч пожал плечами, мол, каждому свое.

– И видят эти сны кто-то каждую ночь, а кто-то раз в жизни, но выстроены они так, что каждый просыпается с твердым знанием – выстоял, смог. Поэтому недостатка в сновидцах у нас нет, многим в реальной жизни очень этого не хватает – выстоять и смочь, – Кошмарыч помолчал. Я молчала тоже. Что тут сказать? Наверное, он прав.

Почему-то представился Яндра в таком сне. Он не мог противостоять матери в своей реальной жизни и в наведенных ею снах, но могли же ему тоже сниться другие? Я очень надеялась, что да. Уж очень жалко мне было моего несчастлившегося возлюбленного. Теперь уже и не случится, конечно. Как бы он мне не нравился раньше, но зайди он даже в кафешку, где я работала, я бы вылила на него кофе и забралась под стол!

– Принято считать, что в той локации, что была ближе всего к университету, мы не рассчитали силу диких снов и поставили недостаточно толстый заслон из снов-защитников. Я не стал спорить с этим, потому как проверить уже нельзя – эти сны были смяты и снесены хлынувшими дикарями. Но я уверен в одном, кто-то изменил несколько снов-защитников. Нашептал сновидцам, что они больше не могут держаться,

что прорыв неминуем. Нет никого сильнее сновидца в своем сне, и нет никого внушаемее. Если кто-то сказал, что будет прорыв, то он будет – и это никак не исправить.

– Вест говорил, что бывший ректор мог что-то видеть, – заметила я, чтобы чем-то заполнить паузу. – Он там оказался одним из первых.

– Да, была очередь моего друга проверять, не слишком ли близко локация подползла к университету, – согласился Кошмарыч. – Мы с Кощеем и Картиной не сразу сообразили, как заделать прорыв, и под этим напором перепутанных диких агрессивных снов мой друг сгинул, как и те старшие студенты, что не догадались смешаться с дикими снами.

Я снова вспомнила Крампуса, и поняла, о чем Кошмарыч говорит. Каждый морф так или иначе может сам превратиться в что-то несусветное. Хотя бы для того, чтобы его не превратили насильно. Картина могла стать кошкой, я была в этом уверена, Кощей тоже наверняка обладал каким-то устрашающим обликом и ладно одним. Даже я наверняка в случае беды смогла бы вызвать прошлогодний хвост и змеиволосы.

– А как его звали? Ректора, – на всякий случай уточнила я. Кошмарыч неожиданно изменился в лице и поднялся на ноги.

– Он не умер, – глухо произнес он. – Просто ничего не помнит. Но однажды память к нему вернется. Что до имен... он давно не пользовался настоящим именем в сновидениях,

и все его тут знали как Тенакса. И тебе стоит знать только это имя.

– Да я просто спросила, – пробормотала я, совсем не уверенная, что стоит оправдываться.

– Мы ищем новые способы защитить университет, – своим обычным голосом произнес Кошмарыч, словно устыдившись своей вспышки. – Вот вывели с Гиеной этих красавцев, что плавают внизу. Эти змеи теоретически должны питаться дикими снами, но пока предпочитают пончики и туфли.

Мне стало стыдно, словно это я кидалась едой и заодно туфлями. То есть, пончиками я, конечно, кидалась. Не в змеев, правда, а в Веста... В общем, тот случай, когда лучше ничего не объяснять.

– Кстати, снижение нагрузки не означает, что мне не нужно сдавать работу по звуковому сопровождению кошмара, – сменил тему Константин Константинович. – И не вздумай у этого паршивца помощи просить, сама делай.

– Как можно, Константин Константинович! – возмутилась я, про себя решив, что при любом раскладе «этим паршивцем» назначу Веста, потому как помощь Жюля мне точно понадобится. Я уже придумала, что сыграю на контрасте – вместо жутких звуков настрою что-то вроде завязшего на зубах «Милого Августина», только чтобы его словно заедало и медленно тащило – для этого мне нужна была не просто шарманка, а сломанная шарманка. Вот кто еще мне такую нарисует?

На том и разошлись. Я решила наконец-то изучить университет снаружи – пусть и ту версию, что выдает мое воображение, а Кошмарыч просто понял, что я хочу остаться одна. Или у него были другие дела – кто разберет.

Я бесстрашно ползала по внешним неустойчивым лестницам замка, которые обвивали его словно выпуклые ленты, и вглядывалась в колышущиеся огромными пузырями сны вокруг университета. Некоторые выглядели плотными и громоздкими, другие казались совсем крошечными, непонятно, как в них поместиться сновидцу или приличному морфу, но все они колыхались и дрейфовали вокруг, насколько хватало взгляда. И все они казались одинаковыми – никаких синих или каких-то еще оттенков. А такая хорошая была идея издалека разглядывать их и так уберечься от диких снов!

Усевшись на краешке изогнутой крыши одной из башен, я достала свой руль, которым не пользовалась с начала лета. Обычно я боюсь высоты, но после разговора с Кошмарычем все страхи отступают. Руль я не держала... с весны? Когда постоянно пропадаешь в кошмарах Веста не до собственного перемещения, знаете ли. Нажала на значок и свесилась с башни вниз, наблюдая за тем, как мягко светится тропа, выбранная мною на руле. Так вот как оно работает! Довольно просто, если не задумываться о том, что это сначала нужно было создать и как-то закрепить в постоянно меняющемся мире. Вроде как метро – обычная штука, все пользовались, но одна мысль о том, что его копали и копают в наши дни, вы-

зывает у меня какой-то неконтролируемый ужас, переходящий в восторг. Так что лучше я задумываться об этом не стану. И я нажала соседний значок, высвечивая еще одну тропу. С высоты на них даже смотреть было страшно, но перила лестницы надежно защищали меня от возможного падения.

Пройти что ли несколько снов, вспомнить свое волонтерство? Кажется, это не запрещалось, а у меня уже закончились уроки, и просыпаться пока не хотелось. Потому как я чувствовала – если проснусь раньше времени, буду лежать без сна и думать о том, как меня чуть было не поцеловал Вест. Тот самый, что перед этим сказал, что я ему нравлюсь. Нет уж, лучше я погляжу как люди с крыш падают – и чего это всем постоянно снится? Хотя... сейчас ведь слякотная осень, по крайней мере, у нас и ближайших соседей. Так что больше всего снов должно быть с теплым морем и солнцем. Самое то, чтобы не думать о всяких глупостях.

И я решительно нажала кнопку, позволяя себе словно с горки скатиться с лестницы прямо в подрагивающий упругим боком и мягко светящийся сон, с которого начинался выбранный мною маршрут. Кажется, я всё-таки зажмурила глаза перед столкновением, потому как когда открыла их, обнаружила, что угодила прямо в шумный и дробно стучащий колесами поезд. Я только собиралась расстроиться, как выглянула в окошко своего плацкартного вагона. За окном отчаянно синело небо, а поле было таким ослепительно желтым, что глазам делалось больно. Только редкие цветки ва-

силька мелькали в нем словно осколки неба. Лето. Жаркое лето и мы все едем в отпуск! На соседнюю полку опустился светящийся высокий парень в форме.

– Домой еды на побывку, – вроде как поздоровался он и выкатил на стол огромный полосатый арбуз. Один бок его был совсем теплый, зато от второго тянуло холодком. С сочным хрустом от одного надреза ножом гигант распался на две части, явив нам багровую прохладную середину. – Петр.

– Ольга, – представилась я.

– За знакомство, Ольга, – и солдатик отрезал мне внушительный ломоть арбуза.

«Пусть этот сон будет подольше!», – мысленно попросила я, вгрызаясь в сочную серединку и чувствуя, как сладкий сок стекает по подбородку, пачкает щеки и даже нос.

Некоторые сны словно созданы для того, чтобы забывать другие – и сейчас я в этом убедилась на все сто.

6 глава

Едва я разобралась со своими проблемами в университете, как плюху подкинула реальность. Вот уж от кого не ожидала такого, так это от Светы, но именно она меня и удивила. Вообще-то мы не виделись с отъезда Васьки в университет, немного обидно, но ожидаемо. Ни одного звонка, даже в соцсетях она мне не писала. Обычное дело для неё, чего и говорить. И вдруг, спустя несколько месяцев после той нашей встречи она зашла в тот Старбакс, в котором я работала. Я даже головой завертела, ожидая увидеть поблизости Ваську. Мало ли, приехала к родителям на выходные, ну и что, что среда? Василисы не было.

– Привет, – Света взяла кофе и осталась стоять около меня, вроде как тут пьет. Так многие делали, когда приходили к знакомым, и, если не было очереди, старшие смены смотрели на это сквозь пальцы. Вот и сейчас Маринка отвернулась и продолжила листать какие-то бумаги, мол, живи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.